
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2021/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2021

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф.д-р Татьяна Алексиева, проф.д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
ст. пр. Светослав Арсениев – технический секретарь

Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Т. В. Терзиева

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ.....5

Д. С. Шмидт

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ТЕХНИКА,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И
ИНТЕРНЕТ».....20

Э. Т. Тилев

К ПРОБЛЕМЕ НАКЛОНЕНИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ
АБСТРАКЦИИ
.....32

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Б. А. Благоев

РИФМА ПАВЛА МАТЕВА
.....40

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Г. Джинджолия

ОТЗВУКИ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ (из опыта
анализа паремий о
любви)
.....57

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

А. И. Пенчева

АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ С НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ «ЛАВР»
ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК70

С. С. Дутбаева, А. Ж. Умурзакова

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАЗАХСКОГО ПОЭТА МАХАМБЕТА
УТЕМИСОВА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК79

ЮБИЛЕИ

Д. Чавдарова

ПРОФЕССОРУ ЕЖИ ФАРЫНО ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ. НА
МНОГАЯ ЛЕТА!.....90

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 100
АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛ102

ЛИНГВИСТИКА

Терзиева Татьяна Васильевна
ассистент, доктор по филологии
Шуменский университет им.
Еп. Константина Преславского
г. Шумен, Болгария
e-mail: t.terzieva@shu.bg

Terzieva Tatyana Vasilevna
Assistant, Ph.D
Konstantin Preslavsky University of
Shumen
Bulgaria, Shumen
e-mail: t.terzieva@shu.bg

Т. В. Терзиева

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые вопросы и принципы сопоставительного терминоведения. В работе отмечается, что сопоставительные терминологические исследования характеризуются углубляющейся дифференциацией различных научных направлений. Сопоставительный подход изучения терминологических систем разных языков на основании сравнения и описания сходств и различий аналогичных языковых явлений занимает важное место в системе методов исследования языка. Значимость сопоставительных терминологических исследований заключается в том, что параллельно с типологическими исследованиями они направлены не столько на изучение универсальных свойств и закономерностей языка вообще, сколько на исследование индивидуальных свойств и закономерностей конкретных языков.

Ключевые слова: сопоставительные исследования, терминоведение, терминология, терминосистема.

T. V. Terzieva

ON THE TOPIC OF COMPARATIVE TERMINOLOGICAL RESEARCH

Abstract: This article discusses some of the issues and principles of comparative terminology. The paper holds that comparative terminological studies are characterised by the deepening differentiation of various scientific directions. The comparative approach to studying the terminological systems of different languages based on the comparison and description of the similarities and differences of similar linguistic phenomena has a number of features that are of great value in the system of methods of language research. The significance of comparative terminological studies

lies in the fact that, merging with typological studies and playing an auxiliary role in them, they are aimed not so much at studying the universal properties and laws of language in general, as at studying the individual properties and laws of specific languages.

Keywords: comparative studies, terminology, terminological system.

Динамическое развитие существующих и появление новых областей науки и техники оказывают влияние на формирование и развитие языковых микросистем, содержащих набор языковых структур и единиц, употребление которых ограничивается отдельной областью социального или профессионального функционирования языка. Терминология как лингвистическое направление занимает важное место в данном процессе. Это объясняется международным характером современных научных знаний, вызванным процессами интеграции и, как следствие, стремлением к унификации терминов, как пути преодоления языковых барьеров в разных сферах социально-экономической и производственной деятельности.

Сопоставительное языкознание как отдельная область знания возникла более тридцати лет тому назад. В некоторых странах – России, Польше, Болгарии, Югославии, Венгрии и в других странах появились центры по сопоставительному языкознанию. Деятельность этих центров направлена на выявление и разработку различных аспектов сопоставления языков, на раскрытие наиболее эффективных методов и оптимальных подходов сопоставительного исследования, представляющих большую ценность в системе методов исследования языка.

По мнению как российских (В. А. Татарина, Д. С. Лотте, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, С. В. Гринева-Гринева и многих других), так и болгарских (Ст. Младенова, А. Липовской, М. Поповой, Л. Маноловой и др.) авторов в основе терминологических исследований стоит вопрос о появлении новых терминов, что, в свою очередь, является следствием научно-технического прогресса конца XIX – начала XX века.

В настоящее время терминоведение является достаточно развитой областью знаний с разработанным понятийным и терминологическим аппаратом. По мнению С. В. Гринева-

Гриневича в основе теоретических исследований данной области знания стоит проблематика и изучение основных понятий науки о терминах; описываются наиболее важные свойства термина и сформулирован ряд требований, которым должны отвечать упорядоченные термины; определяются принципы упорядочения терминологических систем и основные направления терминологической работы [3, с. 7–8].

В качестве самостоятельных направлений терминологических исследований выделяются такие направления, как: теоретическое, прикладное, общее, частное, типологическое, сопоставительное, семасиологическое, ономасиологическое, историческое и функциональное терминоведение. В настоящее время формируется также ряд новых направлений, таких как когнитивное, стилистическое и методологическое терминоведение. Как обособленные разделы терминотворчества можно рассматривать также терминоведческую теорию текста, историю терминоведения и терминографию [4, с. 12–13]. Во всех перечисленных научных направлениях терминология является объектом исследования, но при этом каждое из них имеет свой собственный подход к объекту исследования.

Авторы многих работ выделяют несколько основных задач терминологических исследований, к которым относятся следующие: 1) объединение усилий специалистов соответствующих отраслей науки и техники и лингвистов; 2) сбор и систематизация технической терминологии для выявления «многозначности» терминов, а также для определения терминологически-понятийных лакун; 3) отбор терминов, рекомендуемых для всеобщего использования (омонимия и синонимия терминов исключается); 4) учет опыта международной нормализации терминологии; 5) параллельная нормализация технического языка и технической терминологии; 6) разделение работы по нормализации технического языка на два этапа: во-первых, упорядочение национальных технических терминологий и, во-вторых, принятие планового технического языка. Д. С. Лотте определяет терминологию как совокупность терминов определенной области науки и техники, производства, области искусства, общественной деятельности,

связанной с соответствующей системой понятий [9, с. 4-7].

В рамках типологических терминологических исследований решается вопрос о степени и границах реализации общих терминологических свойств и явлений в отдельных терминологических системах. Именно при таком подходе изучения термина появляется возможность получить полное и ясное представление о характере и об особенностях терминологической лексики. Задачей типологических исследований является сравнительное изучение семантических, структурных, функциональных и исторических характеристик терминов и терминологических систем, с целью выяснения и выделения общих и частных (в зависимости от предмета и характера соответствующей области знания) особенностей специальной лексики (классификации терминов и терминологических систем по определенным типам и классам; установление степени зависимости терминологических процессов и явлений теми или другими нормами терминологических систем). Таким образом, можно отметить, что в пределах типологического терминоведения описываются семантические, формальные, функциональные и исторические признаки терминов и терминосистем. В процессе типологических исследований, во-первых, определяется соответствие терминологии отражаемой системе понятий; во-вторых, устанавливается частотность употребления в ней синонимии и полисемии; в-третьих, определяется соотношение различных типов терминов в системе понятий и, наконец, уточняется соответствие терминов традиционным требованиям и нормам. Такой подход в изучении терминологии различных областей знания дает возможность для дальнейшего сопоставления и выявления основных параметров формирования и функционирования терминологических систем.

В последнее время большое внимание уделяется актуальным вопросам сопоставительных исследований. Известно, что сопоставительное изучение языков является очень плодотворным методом исследования различных языковых явлений в разных языках. По мнению О. Г. Скворцова, сопоставление, смыкаясь с типологическими исследованиями и выполняя в них

вспомогательную роль, направлено не столько на изучение универсальных свойств и закономерностей языка вообще, сколько на исследование индивидуальных свойств и закономерностей конкретных языков [14, с. 6]. Подчиняясь общим законом объективной действительности, язык имеет свои специфические свойства, которые обуславливают своеобразие проявления этих законов в языке. Слово в языке связано с другими словами на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях. Слова, соотносимые с одним и тем же понятием, занимают различные места в системах языков, к которым относятся, а их значения определяются значениями других членов лексической парадигмы. Как отмечает А. Е. Супрун, основой сопоставительного изучения языков являются определенные сходства языков как в плане выражения, основывающемся на единстве речевого аппарата у всех людей, так и в плане содержания, базирующемся на единстве окружающего нас мира [15, с. 26]. По мнению У. К. Юсупова в рамках сопоставительной лингвистики решается ряд теоретических и лингводидактических задач, к которым автор относит следующие: 1) определение сходств и различий между сопоставляемыми языками; 2) выявление тех признаков сопоставляемых языков, которые остались недостаточно изученными в одном языке; 3) выявление характерных для данных языков тенденций; 4) определение системных соответствий / несоответствий между сопоставляемыми языками; 5) определение взаимодействия и взаимообогащения сопоставляемых языков; 6) установление по мере возможности причин основных сходств и различий [19, с. 6]. Таким образом, можно отметить, что сопоставительная лингвистика является самостоятельным научным направлением, обусловленным экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами, в котором есть свой предмет и конкретные задачи.

Интерес многих исследователей к сопоставительному изучению терминологических систем путем сравнительного анализа доводит до обособления новой теоретической дисциплины сопоставительное (сравнительное) терминоведение. Особенно актуальными сопоставительные исследования становятся во второй половине XX века. Как уже отмечалось, это связано с интересом

многих исследователей проанализировать формирование и функционирование терминологических систем разных языков с учетом типологических обобщений и уточнений универсальных закономерностей. Такой анализ предоставляет возможность решить ряд теоретических и прикладных задач. В более широком понимании при сопоставительном подходе изучения терминологических систем разных языков на основании сравнения и описания сходств и различий аналогичных языковых явлений, раскрываются лингвистические особенности их внутренней организации как в плане содержания, так и в плане выражения.

С. В. Гринев-Гриневиц отмечает, что сопоставительное терминоведение, по объекту и методам исследования аналогично типологическому терминоведению. Разница заключается в том, что сопоставительное терминоведение рассматривает терминологические единицы разных языков [3, с. 77]. По мнению В. Н. Ярцевой, для современного состояния сопоставительного языкознания актуальным является его расширение в сторону сопоставительно-стилистических исследований, сопоставительного анализа терминологических систем в разных языках, распространяющихся на лексику языка в целом в связи с нуждами научно-технического прогресса; изучение фактов, представляемых многочисленными переводами литературы разного типа [20, с. 499]. Ф. А. Циткина, описывая разницу между сопоставительной лингвистикой и сопоставительным терминоведением, считает, что предметом сопоставительной лингвистики является сопоставительный анализ языковых систем с ясным разграничением лексического, грамматического и стилистического уровней. Так как различные терминологии представляют собой организованные подсистемы языка и они необходимы для прикладных целей, то сопоставительный анализ каждого термина или терминологического явления следует проводить на всех языковых уровнях в целом, а не на каждом из них в отдельности [18, с. 115-116]. На основании данной теории предметом сопоставительного терминоведения является сравнительное изучение национальных терминологических систем двух или более языков, относящихся к одной и той же понятийной области знания.

Повышенный интерес, увеличение и развертывание сопоставительных терминологических исследований в последнее время появляются в результате некоторых более существенных факторов, к которым можно отнести следующие:

1. Сравнительный анализ терминологической лексики двух или более языков является особенно перспективным в тех лексико-семантических системах, в которых наиболее четко проявляются системные связи.

2. Межъязыковое исследование является универсальным оперативным методом в лингвистике, который позволяет раскрыть языковые факты, ускользающие от внимания исследователей, работающих в рамках внутриязыкового анализа.

3. Актуальность сопоставительных исследований терминосистем с учетом теоретических обобщений и происходящих процессов терминологической номинации.

4. Выявление общих и индивидуальных характеристик семантики и функционирования исследуемых лексем в каждом языке.

5. Результаты сопоставительных исследований находят свое отражение в таких прикладных областях как лексикография и терминография, что, в свою очередь, оказывает эффективное влияние на системное описание языка.

Учитывая данные факторы, можно отметить, что сопоставительные терминологические исследования характеризуются углубляющейся дифференциацией различных направлений. Сравнение осуществляется на базе характерных термину свойств и терминологических явлений с учетом следующих критериев дифференциации:

➤ характер терминологических систем (родственные и неродственные терминологии);

➤ изучение и выявление особенностей (сходства и различия сопоставляемых терминологических систем с целью дальнейшей гармонизации);

➤ определение системных соответствий / несоответствий между сопоставляемыми языками;

- определение взаимодействия и взаимообогащения сопоставляемых языков;
- установление по мере возможности причин основных свойств и различий.

Сопоставительные терминологические исследования могут осуществляться и в рамках понятийной или функционально-семантической категории. А. И. Фефилов считает, что целью сопоставления в этом случае является «установление и описание структурных сходств и различий сопоставляемых языков». Вместе с тем для сопоставляемых языков следует выявить «общую языковую понятийную категорию и проследить, какой удельный вес она имеет в том или ином языке, какими одноуровневыми или разноуровневыми средствами она выражается, какую связь данная языковая понятийная категория имеет с другими языковыми понятийными категориями, каким образом эквивалентно соотносятся отдельные участки языковой понятийной категории в сопоставляемых языках, каким оптимальным способом можно описать результаты конфронтативного анализа на базе данной языковой понятийной категории». Свой подход А. И. Фефилов называет конфронтативным, так как сопоставление носит характер противопоставления (конфронтации) [16, с. 5-6].

Значимость сопоставительных терминологических исследований подчеркивает также выдающийся болгарский терминовед М. Г. Попова: «Именно сопоставительное изучение внутренних и внешних отношений в структуре разноязычных терминологий позволяет более глубоко проникнуть в сущность и специфику каждой терминологической системы; установить межъязыковые корреляции терминов на всех уровнях при сопоставляемых языках; сформировать двуязычные терминологические базы данных и др.» (перевод мой) [13, с. 169].

Как уже было отмечено, при сопоставительных терминологических исследованиях существует два основных направления: сопоставительное изучение языков в теоретических целях и сопоставительное изучение языков в лингводидактических и прикладных целях. Основываясь на данном делении, У. К. Юсупов выделяет несколько основных принципов, применимых к

сопоставительному исследованию терминологических систем:

- *Принцип сравнимости.* Он предполагает сбалансированность степень изученности сопоставляемых языков, определение функционально сходных явлений в них и рациональное сочетание различных подходов при сравнении языков.
- *Принцип системности* заключается в том, что сравнению должны подвергаться парадигматические группировки (подсистемы, поля, синонимические ряды и т.д.). Терминологическая система как раз является такой парадигматической системой, в которой можно выделить подсистемы и семантические поля, что характеризует терминологию, как системное явление.
- *Принцип терминологической адекватности* означает, что прежде чем приступить к сравнению языков, следует создать общие для сравниваемых языков дефиниции. В данном случае такими дефинициями выступают термины *системность, сопоставительный анализ, принципы сравнения.*
- *Принцип достаточной глубины сравнения* предполагает выявление существенных сходств и различий сравниваемых языковых явлений. Согласно этому принципу в сравниваемых терминосистемах должны быть выделены их различия и сходства.
- *Принцип учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний* основан на том, что лингвистические знания, полученные при исследовании структуры одной терминосистемы, несомненно, помогут при изучении структуры другой.
- *Принцип двусторонности сравнения* важен тем, что при таком сравнении в поле зрения попадают особенности обеих терминосистем сравниваемых языков.
- *Принцип учета функциональных стилей* предполагает сравнение терминосистем в одних и тех же функциональных стилях.
- *Принцип территориальной неограниченности* заключается в том, что пространственное размещение сравниваемых

языков не имеет существенного значения при сопоставлении языковых фактов.

- *Принцип синхронности* означает, что терминосистемы сравниваются в плане одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов языковой системы.
- *Принцип учета фасилитации (от англ. facilitate – облегчать, помогать, способствовать) и межъязыковой интерференции* состоит в том, что если родной язык облегчает изучение терминосистемы иностранного языка, тогда говорят о фасилитации, если затрудняет, то – об интерференции. При сопоставительном изучении необходимо учитывать оба явления [19, с. 8-11].

Перечисленные выше принципы могут быть базой для сравнения различных языковых явлений, происходящих в той или иной терминосистеме.

Результатом сопоставительных терминологических исследований являются продукты научного или теоретического и практического или прикладного характера. Следует отметить, что как теоретические, так и практические продукты исследований в области сопоставительного терминоведения являются значимыми не только для сопоставительного терминоведения, но и для терминоведения и сопоставительной лингвистики в целом. Научная ценность данных исследований заключается, во-первых, в раскрытии закономерности функционирования терминов разных языков; во-вторых, в выявлении типов эквивалентов пар терминов и сопоставляемых терминосистем разных языков на лексическом, семантическом и грамматическом уровнях; в-третьих, способствуют решению ряда вопросов, связанных с применением объективных критериев при переводе терминологического аппарата той или иной терминосистемы. Данный подход способствует решению таких проблем как: гармонизация, унификация и стандартизация терминов; адекватный подбор эквивалентов терминов в сопоставляемых языках; выявление закономерностей функционирования терминов на всех уровнях в сопоставительной лингвистике. Сопоставительные терминологические исследования

имеют широкий круг практического применения, прикладным продуктом которых, чаще всего, являются словари и глоссарии какой-либо терминосистемы или области профессионального подязыка.

В лингвистической науке существует множество сопоставительных исследований терминосистем различных областей знания на материале различных языков. Сопоставительный метод используется при исследовании языков как родственных, так и неродственных. В течение последних лет сопоставительные исследования в области терминологии близкородственных языков, в частности русского и болгарского, являются весьма актуальными прежде всего потому, что в лингвистической литературе недостаточно сопоставительных работ, содержащих большой фактический материал, результаты исследования которого могут быть использованы в прикладных целях. Безусловно, близость русской и болгарской лексики, основу которой составляют этимологически тождественные слова – значительна. Однако, не настолько изученными являются конкретное выражение, формы и способы их проявления, что дает основание считать, что близость русского и болгарского языков имеет весьма общий характер.

Сопоставительное описание лексики русского и болгарского языков имеет очень давние традиции. Многие русские и болгарские исследователи посвятили свою жизнь созданию универсальных и специальных (терминологических) словарей, описанные и классифицированные в монографии Анны Липовской «Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития» [8, с. 15-11]. В теоретических работах по сопоставительному описанию данных языков часто отмечается, что область лексической семантики в сопоставительной лингвистике является менее разработанной, чем, например, в фонетике, морфологии, синтаксисе и др. Это объясняется тем, что лексическая система является системой особого типа и непосредственное применение к ней недостаточно исследованных теорий противопоставления, построенных на материале значительно формализованных уровней языка, оказывается затрудненным и недостаточно эффективным.

В последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей и ведется активная исследовательская работа по сопоставительному описанию терминосистем различных областей науки и техники. Ученые-терминологи работают в тесном контакте со специалистами тех областей, терминологии которых изучаются, так как именно они являются авторами новых терминов, а терминологи занимаются вопросами упорядочения терминов и составлением норм и правил по их образованию, функционированию и использованию. В результате упорядочения терминов определенной области терминология превращается в строго упорядоченную терминосистему с определенными зафиксированными отношениями между терминами. Так, например, на материале русского и болгарского языков Н. Василева описывает терминосистему морского дела; вопросами терминологии транспортно-экспедиционной деятельности занимается Н. Димитрова; Т. В. Терзиева описывает терминосистему тяжелого автомобилестроения; Д. Г. Николова рассматривает терминосистему современной компьютерной терминологии; И. Д. Петрова описывает терминологию косметологии и косметической промышленности и др.

При сопоставительных исследованиях терминосистем необходимо учитывать некоторые основные требования, предъявляемые к термину в целом, такие как отсутствие полисемии, омонимии и синонимии; а также воспроизведение системы предметно-логических отношений между понятиями. Также, важно отметить, что любая терминосистема характеризуется рядом признаков, к которым относятся целостность, относительная устойчивость, относительная открытость, структурированность, связность и др.

Терминосистема является наиболее крупным и сложным объектом сопоставительных терминологических исследований, так как при них рассматриваются не только признаки и типы терминосистем, но и принципы и методы их конструирования. Специфика сопоставительных исследований терминосистемы заключается в том, что, являясь более высокой степенью развития терминологии, она имеет более сложную и четкую структуру.

Кроме того, структура терминосистемы определенной области знаний близка к структуре ее системы понятий. Целью сопоставительных терминологических исследований является сопоставительное изучение межъязыковых соответствий терминов в двух или более языках для выявления их сходств и различий на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях; изучение конкретных особенностей обеих терминосистем и установление общих закономерностей и фактов, свойственных данным системам. По мнению Д. П. Митева генетическое родство русского и болгарского языков «находит выражение почти во всех участках их структуры: в наличии пластов лексики индоевропейского и общеславянского происхождения, в сходстве выделяемых лексико-грамматических классов (частей речи) и разрядов слов, в характере семантики и формального выражения таких категорий, как род и число существительных, вид и залог глагола и т.д.» [10, с. 64]. Таким образом можно отметить, что сопоставление является составной частью типологического описания, для которого важно установить сходство, обусловленное общностью лингвистических, логических, социальных и других предпосылок развития и функционирования различных языков.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что любой сравнительно-сопоставительный анализ терминологии какой-либо области знания должен быть системным. В качестве основного методологического приема можно принять системное сопоставление, проводимое согласно некоторым основным принципам: принципу сопоставительной системности, принципу терминологической адекватности, принципу достаточной глубины исследования, принципу синхронности и т. д. Именно сравнительно-сопоставительный анализ дает исследователю уникальную возможность сравнить терминологические системы, что позволяет наглядно, точно и четко фиксировать все структурные сходства и различия. Терминологические исследования сопоставительного характера занимают важное место как в рамках сопоставительной лингвистики, так и в лингвистике вообще. Сопоставительные терминологические исследования раскрывают общие и различительные черты терминосистем в

изучаемых языках и способствуют выявлению особенностей сопоставляемых языков, которые обычно остаются незамеченными при исследовании только одного языка. Результаты сопоставительных терминологических исследований являются хорошей базой и могут служить основой для создания терминологических словарей, для издания научной, производственной и справочной литературы, что, в свою очередь, способствует освоению терминологии определенной научно-технической области.

Библиографический список

1. Александрова А. Ст. «Understanding Name-based Neologisms». In Todorova et al. (eds.) «Challenges in English Teaching and Research». Asenevtsi, 2016, С. 65-77.
2. Александрова А. Ст. FROM BREXIT TO MEGXIT - LEAVING BRITAIN IN (ROYAL) STYLE // KNOWLEDGE - International Journal Scientific Papers Vol. 38.6; ISSN 1857-923X (for e-version); ISSN 2545 – 4439 (for printed version); 2020, С. 1451-1454.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2008, 304 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь : учебное пособие / С.В. Гринев-Гриневиц. – 3-е изд., доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с
5. Давлетукаева А. Ш. Диахронический аспект развития экономической терминологии: Дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2002, 182 с. [Электронный ресурс]: <http://www.twirpx.com/file/486984/>.
6. Димитрова Н. К. Русско-болгарский словарь терминов транспортно-эспедиционной деятельности - параметры и композиция // Проблемы и перспективы русско-болгарской и болгарско-русской терминологической лексикографии. София: Изд-во «Тип-топ-прес», 2013, С. 73-83.
7. Димитрова Н. К. Системность и вариантность терминологии транспортно-эспедиционной деятельности: Монография. – София : Изд-во ВТУ им. Т. Каблешкова, 2019, 168 с.
8. Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2009, 216 с.
9. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. Москва: АН СССР, 1961, 160 с.
10. Митев Д. П. Очерки по сопоставительной грамматике русского и

- болгарского языков (морфология). Велико Търново: ИВИС, 2012, 319 с.
11. Николова Д. Г. Formation of computer terminology in Russian and Bulgarian languages // SocioBrains International Scientific Refereed Online Journal, Issue 20, April 2016, p.87–92. ISSN 2367-5721.
 12. Петрова И. Д. К вопросу об описании терминологии косметологии и косметической промышленности. Сборник докладов II Международного научного конгресса «Россия в международном диалоге», Челябинск: 2019.
 13. Попова М. Г. Теория на терминологията. Велико Търново: ИК «Знак’ 94», 2012, 684 с.
 14. Скворцов О. Г. Методы исследования лексических систем / Уральский государственный педагогический университет; Институт международных связей. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2001 - 142 с.
 15. Супрун А. Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков. Москва: Наука, 1988, С. 26-31.
 16. Фефилов А. И. Основы конфрагнтативного анализа лексики немецкого и русского языков: Учеб. пособие. Куйбышев: Пед. ин-т, 1985, 120 с.
 17. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Москва: Высшая школа, 1990, 415 с.
 18. Циткина Ф. А. Сопоставительное терминоведение: Теоретические вопросы и приложения // Вопросы языкознания, 1987, № 4.
 19. Юсупов У. К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. Москва: Наука, 1988, С. 6-11.
 20. Ярцева В. Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 45, № 6, 1986, С. 493-499.

Шмидт Дарья Сергеевна
докторант кафедры
русского языка и общего языкознания
Иркутский государственный
университет
Россия, г.Иркутск
e-mail:chikacheva@list.ru

Schmidt Darya Sergeevna
Postgraduate student
Department of Russian language
Irkutsk State University
Russia, Irkutsk
e-mail:chikacheva@list.ru

Д. С. Шмидт

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ТЕХНИКА, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНТЕРНЕТ»

Аннотация.Статья посвящена проблеме новых заимствованных слов, вошедших в русский язык в конце 90-х – начале 2000-х годов. В XXI веке отмечается усиление процесса лексического заимствования, об этом свидетельствует появление большого количества новых терминов и понятий, особенно в сфере техники и интернета. В статье проанализированы причины этого явления, перечислены новые слова в лексико-семантической группе «Техника, технологические процессы и интернет», названы языки-источники иноязычной лексики, рассмотрена частотность употребления слов, отдельно отмечены иноязычные слова, переместившиеся в пассивный запас русского языка.

Ключевые слова: заимствования, английский язык, освоение иноязычной лексики, словарная фиксация, интернет, техника.

D.S.Schmidt

MASTERING NEW BORROWINGS IN THE LEXICO- SEMANTIC GROUP «TECHNOLOGY, TECHNOLOGICAL PROCESSES AND THE INTERNET»

Abstract. The article is devoted to the problem of new borrowed words that entered the Russian language in the late 90s-early 2000s. In the 21st century, there is an increase in the process of lexical borrowing, as evidenced by the emergence of a large number of new terms and concepts, especially in the field of technology and Internet. The article analyzes the causes of this phenomenon, lists new words in the lexico-semantic group "Technology, technological processes and the Internet", names the source languages of foreign language vocabulary, and studies the degree of development of new borrowings. The word frequency is also considered, and foreign words that have moved to the passive stock of the Russian language are separately marked.

Keywords: borrowing, English, mastering foreign language vocabulary, dictionary fixation, Internet, technology.

Процесс ассимиляции иноязычных слов и их влияние на язык можно назвать самыми важными вопросами не только лингвоэкологии, но и языкознания в целом. В современном мире их актуальность не уменьшается, а только усиливается: за последние 20 лет в русский язык вошло большое количество иноязычных слов. Например, в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» Е.Н. Шагаловой [15] описано около 1500 слов, появившихся в русском языке в XXI веке, некоторые из них ещё не зафиксированы толковыми словарями русского языка. По сей день число заимствований растёт, и процесс обновления лексики нередко беспокоит людей из разных слоёв населения, в том числе и учёных.

Лингвисты квалифицируют это явление по-разному, высказывая разные точки зрения. Н. И. Клушина в статье «Обогащение языка или наполнение лексикона?» подчёркивает необходимость взвешенного подхода к употреблению иностранных слов в русском языке: «В истории каждого народа есть эпохи перемен. В такие времена открываются шлюзы для потока заимствований, призванных помочь языку отразить новые реалии. Но этот поток способен и затопить национальный язык, если заимствования не успевают освоиться, осознаться народом» [3, с.66]. О том, что в XXI веке наблюдается интенсификация процесса заимствования, писал и А.Д.Шмелёв. Он справедливо указывал на то, что мы живём в специфичное время, в период появления новых областей жизни, активно обсуждаемых в средствах массовой информации, и «из-за этого иногда создаётся впечатление, что без иностранного словаря понять газетную статью простому обывателю почти невозможно» [16]. При этом А.Д.Шмелёв подчёркивал, что заимствование большинства слов оправданно, так как связано с тем, что «в нашу жизнь входят новые явления, для которых нет готового русского названия», и «множество людей, подающих заявки на получение грантов, уже не помнит, что двадцать лет тому назад само слово *грант* было мало кому известно» [16]. В.Э. Морозов указывал на то, что заимствование иноязычных слов является важным путем пополнения словарного запаса, но прибегать к ним

нужно с осторожностью, не пренебрегая возможностями богатейшего русского языка [10, с.47].

На данный момент систематизации знаний о последних заимствованиях недостаточно, и лингвисты стараются восполнить пробелы в этом вопросе [9]. Изучение заимствований позволяет понять, какими способами иноязычные слова появляются в языке, в каких сферах этот процесс происходит наиболее активно и какое влияние оказывают новые слова на лексический фонд языка-реципиента.

В данной статье нами названо 147 новых заимствований (конца XX – начала XXI века), в том числе аббревиатур, в лексико-семантической группе «Техника, технологические процессы и интернет», изучена степень употребительности большинства из этих слов в русском языке.

Новые заимствования проанализированы с точки зрения происхождения с помощью газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка [11, далее НКРЯ], разделены на несколько групп в зависимости от частоты использования.

Причины лексического заимствования

Русский язык пополняется иноязычной лексикой уже на протяжении многих веков. В.Г.Костомаров провёл историческую аналогию: «Не менее обильный иноязычный потоп XVIII века русский язык пережил и даже с пользой для себя. Отличие же того потопы от нынешнего лишь в том, что он был французский, а сейчас – англо-американский» [5, с.58]. Однако в двадцать первом веке процесс заимствования новой лексики, отражающей новые аспекты жизни общества, стал наиболее интенсивным из-за эпохи глобализации.

Примечательно, что львиная доля заимствований, проникших в русский язык за последние 20 лет, относится к компьютерной сфере (гаджетов и интернета) [2, с.143], тогда как в начале 90-х среди новой заимствованной лексики преобладали термины, относящиеся к сфере экономики [5, с.59]. Такая тенденция связана с бурной цифровизацией (компьютерной автоматизацией). Благодаря этому явлению в русский язык вошли такие слова, как *аватар*,

*айпад, айфон, антишок, апгрейд, апскейлинг, аудиофайл, бипер, ботнет, вики, виндоуз, декодер, директ, дисторшен, домен, интернет, кеш, клик, копипаст, медиаплеер, принтер, провайдер, сервер, сканер, скрин, слайд-шоу, фотошоп, хаб, экспи*¹.

Языками-источниками стали японский – из японского были заимствованы такие слова, как *тамагочи* и *эмодзи* – и английский. В основном современные заимствования представлены англицизмами и американизмами, и этому явлению есть вполне логичные объяснения. Во-первых, важную роль в этом вопросе сыграла авторитетность языка-источника. Английский является международным языком и считается официальным в 54 странах. Кроме того, именно английский является ведущим языком в сфере научно-технических разработок. «В случае с компьютерной терминологией важным является и фактор приоритета в тех или иных научно-технических разработках и их распространении. Именно в США в 80-е годы была разработана и промышленно освоена концепция создания персонального компьютера, которая сразу же сделала компьютерную область массовой. Именно американские компании заняли монопольные позиции в выпуске продуктов программного обеспечения (Microsoft), да и в производстве самих компьютеров (Compaq, Dell, Gateway, IBM). Именно в США в 80-е годы зародился интернет, а в начале 90-х годов были разработаны браузеры для виртуальных путешествий по всемирной паутине», – отмечал А.Ю.Романов, исследуя вопрос освоения заимствований, пришедших в русский язык в 90-х годах [12, с.89]. В современном мире ситуация не изменилась: в 2020 году самыми большими и дорогими в технологическом секторе стали такие американские компании, как Apple, Google, Microsoft, Amazon и другие [17]. Поэтому наплыв англицизмов в русском языке не только не сократился, а скорее увеличился. С появлением огромного количества новых гаджетов и аксессуаров к ним, с распространением интернет-общения, в том числе в мессенджерах, возросло количество заимствований, выполняющих функцию

¹ Здесь и далее написание слова при условии его фиксации в орфографическом словаре соответствует норме, отраженной на Орфографическом академическом ресурсе «АКАДЕМОС» [11] <http://orfo.ruslang.ru/>

номинации.

Среди внутрилингвистических причин заимствования можно выделить следующие: отсутствие в языке-реципиенте номинации для недавно появившегося явления (*дискета* ‘малоформатный гибкий магнитный диск, применяемый в компьютере для хранения информации вне компьютера’; *байт* ‘единица измерения количества информации, равная 8 битам’ [7]). К группе недавних заимствований, обозначающих новые явления в сфере техники, также относятся *DVD*, *блютуз*, *букридер*, *вайн*, *викимедия*, *гаджет*, *девайс*, *дисплей*, *код-грабер*, *логин*, *лэптоп*, *макбук*, *моддинг*, *модем*, *мультимедиа*, *мультитач*, *нетбук*, *нетворкинг*, *ноутбук*, *парсер*, *ПДФ*, *плейстешн*, *попсокет*, *профайл*, *реалтон*, *ресивер*, *ридер*, *рингтон*, *сабвуфер*, *селфи*, *сингл*, *скроллинг*, *слеш*, *слот*, *смайл*, *смартбук*, *СМС*, *софт*, *тачпад*, *телетекст*, *трафик*, *трек*, *триггер*, *флеш*, *хостинг*, *чат*, *чейнджер*.

Также усилению процесса заимствования способствует стремление к экономии речевых усилий, в результате чего происходит замена описательного оборота одним новым словом: *дайджест* ‘краткое изложение какого-л. текста’ [4]; *онлайн* ‘в реальном времени’ [13], *офлайн* ‘всё, что существует, происходит вне Интернета’ [15, с.205].

Д.С.Лотте [8] отмечал в своих исследованиях и другие внутрилингвистические причины заимствования, например, потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых смысловых оттенков. Так, в исследуемой нами группе слов есть слова, близкие по значению к уже имеющимся в языке-реципиенте, однако называющие другой, специфичный предмет: *ноутбук* – это не просто компьютер, а ‘портативный – обычно не больше кейса – плоский персональный компьютер с жидкокристаллическим дисплеем’ [1]; *дисплей* – это не экран, а ‘видеотерминал, экранный пульт связи с ЭВМ – устройство ввода-вывода данных для отображения на экране информации в форме, удобной пользователю, а также для ее редактирования в интерактивном режиме’ [4].

Ещё одна из внутрилингвистических причин заимствования, отмеченная Д.С.Лотте в исследованиях, – накопление в заимствующей

щем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одинаковых элементов (*лайтбокс, софтбокс, ланчбокс* и т.д.).

Слова, ассимилировавшиеся в языке

К этой группе относятся слова, обозначающие явления, особо актуальные для данного периода. Такую иноязычную лексику можно условно разделить на две группы.

1. Гаджеты, техника. К этой группе относятся такие закрепившиеся в языке слова, как *интернет, модем, принтер, айпад, айфон, дисплей, ноутбук, макбук, гаджет, девайс* и другие. На графиках, сформированных НКРЯ, видно, что эти заимствования стали использоваться со второй половины 90-х годов, и в течение многих лет частотностих употребления неснижается.

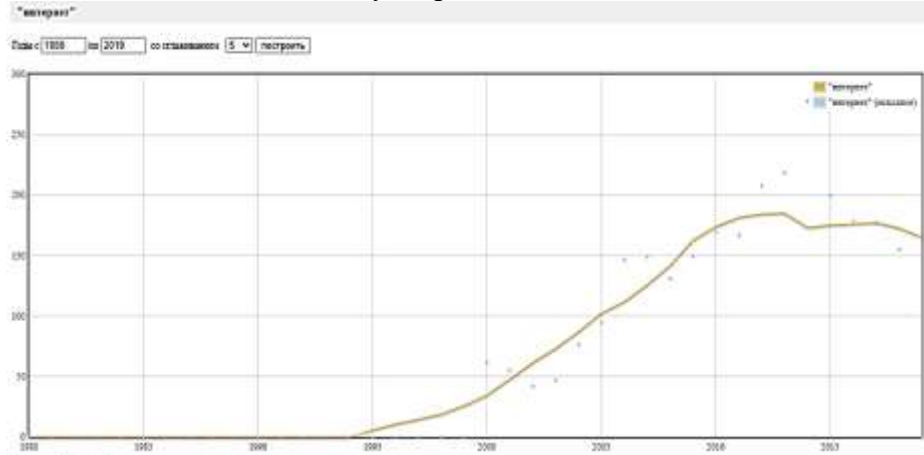

Рис. 1. График частоты использования слова *интернет*

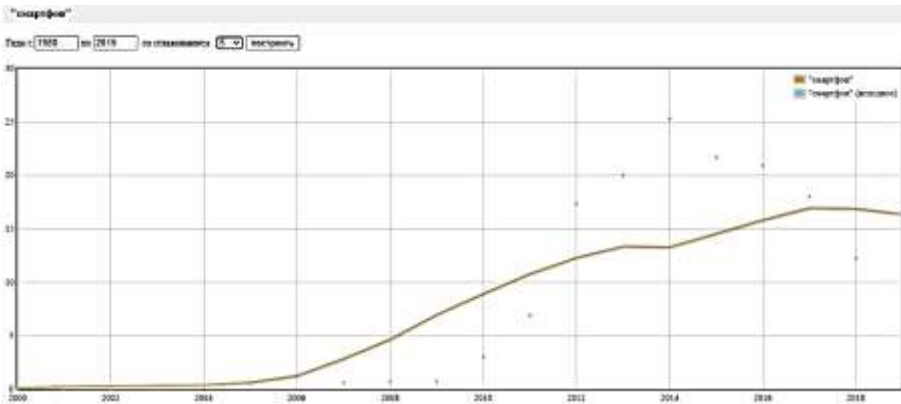

Рис. 2. График частоты использования слова *смартфон*

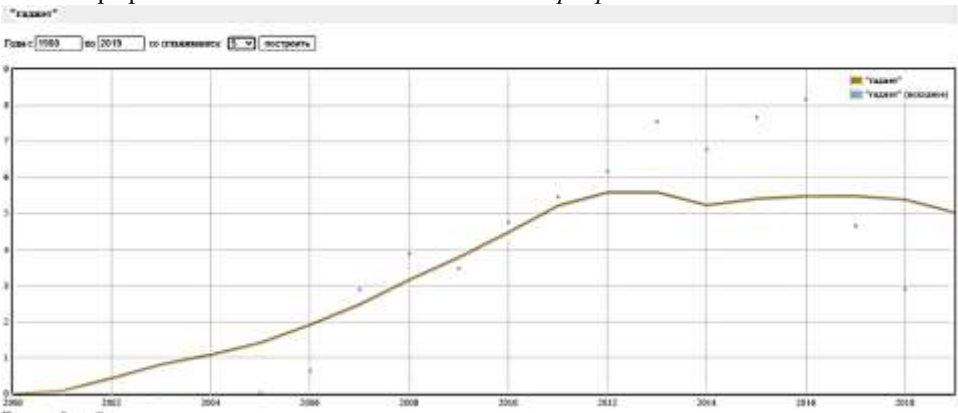
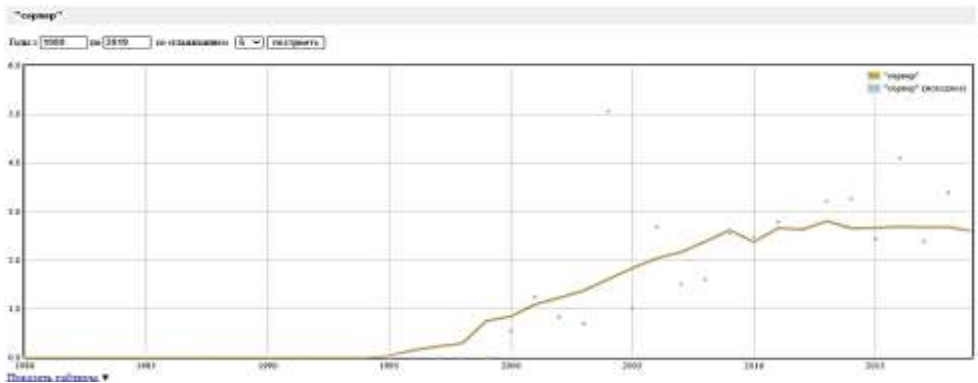

Рис. 3. График частоты использования слова *гаджет*

2. Явления и процессы, связанные с интернетом. Огромное количество слов пришло в русский язык и, похоже, закрепилось в нём на долгое время благодаря появлению интернета, например: *аккаунт, баг, байт, бит, браузер, бэкап, вайбер, вайфай, ворд, вотсап, гугл-диск, даунлоад, зум, инстаграм, ИТ, килобайт, коннект, контент, лайк, ламер, линк, мегабайт, мейл, месседж, мессенджер, микроблог, никнейм, петабайт, пин-код, плагин, плейлист, подкаст, пост, релиз, рестарт, сайт, скайп, спам сэмпл, твиттер, терабайт, тикток, торрент, фича, хакинг, хост, чарт, эквалайзер, экзбайт, эксель, юзер, ютьюб*. Названные заимствования на данный момент высокочастотны, популярности они не теряют с момента своего вхождения в язык.

Распределение по годам в галетном корпусе с 1980 по 2019

Рис. 4. График частоты использования слова *сервер*

Показанные нами иноязычные слова осваиваются в языке фонетически, грамматически и начинают проявлять словообразовательную активность (например, в словаре Е.Н.Шагаловой описано 6 сложносоставных иноязычных слов, первой частью которых является элемент *интернет*). Отметим, что большинство из перечисленных выше заимствований (более 130) было зафиксировано в лингвистических словарях, в том числе толковых, тем самым они были квалифицированы как общенародные, как факты русского языка.

Однако освоение заимствований не всегда проходит быстро и безболезненно: написание некоторых из них до сих пор вариативно (*лаптоп* и *лэптоп*). Как отмечают лингвисты, варьирование иноязычного слова в процессе адаптации – явление закономерное, являющееся показателем новизны слова. Наличие вариантности свидетельствует о частоте употребления слова разными носителями языка. Устранение вариантности является характерным признаком прочного вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка [14, с.178].

Слова, переместившиеся в пассивный запас

Глобализация и бурное развитие компьютерной сферы провоцируют развитие и обратной тенденции – ухода иноязычных слов из русского языка. Технологические изобретения, появившиеся в начале нулевых и ушедшие из нашей жизни к настоящему

времени, повлекли за собой исчезновение и соответствующих слов-названий. Согласно проведённому нами опросу среди 67 детей в возрасте 11-17 лет, далеко не все современные школьники знают лексические значения таких слов, как *компакт-диск* – 16% опрошенных, *дискета* – 22% опрошенных, *пейджер* – 28% опрошенных, *слайдер* – 29%, *MMC* – 26%, *WAP* – 20%. Только половина респондентов смогла верно определить значение слова *sega* – 51%, тогда как новые заимствования *PS4 (плеистейшен)*, *смартфон* знакомы 90% и 85% анкетированных соответственно. С появлением скоростного интернета и современных удобных мессенджеров уже не нужными стали *ICO* `бесплатная система мгновенного обмена текстовыми сообщениями' и *Агент Mail.ru* `программа для мгновенного обмена сообщениями через интернет', популярные в середине-конце первого десятилетия XXI века. По этой же причине оказались невостребованными *MMC*, *WAP* `протокол беспроводной передачи данных', *плеер* `переносное звуковое устройство', *VHS* `кассетный аналоговый формат наклонно-строчной видеозаписи', *CD-RW* `перезаписываемый компакт-диск'. На представленных графиках видно, что к 2019 году частотность употребления данных слов стремится к нулю.

Распределение по годам в газетном корпусе с 1980 по 2019

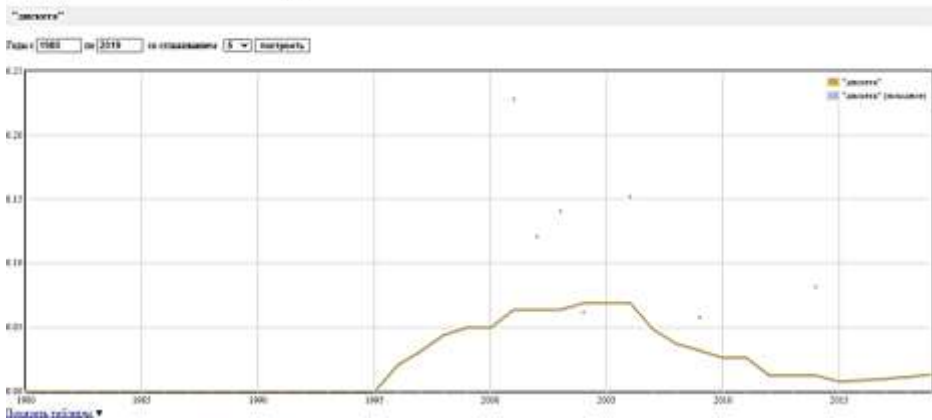

Рис. 5. График частоты использования слова *дискета*

Распределение по годам в газетном корпусе с 1980 по 2019

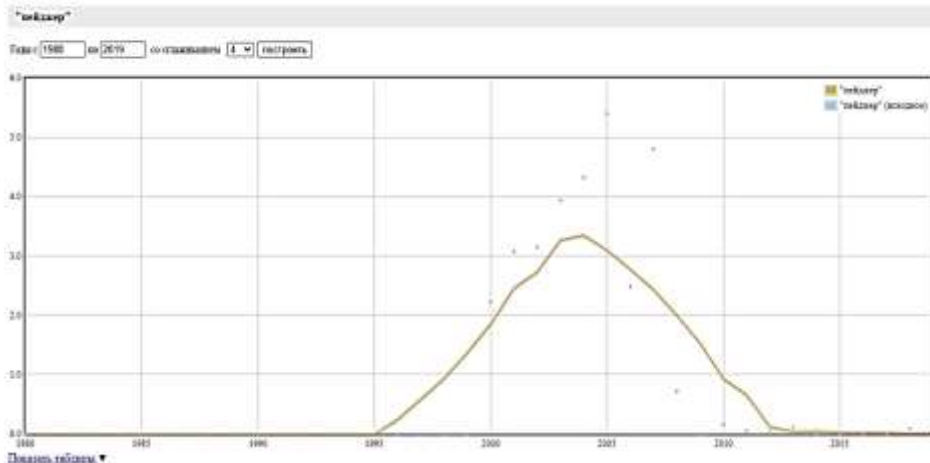

Рис. 6. График частоты использования слова *пейджер*

Распределение по годам в газетном корпусе с 1980 по 2019

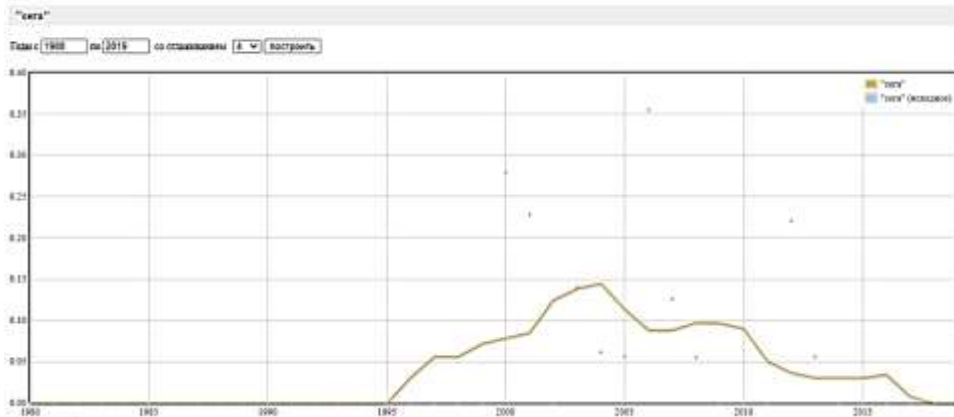

Рис. 7. График частоты использования слова *сега*

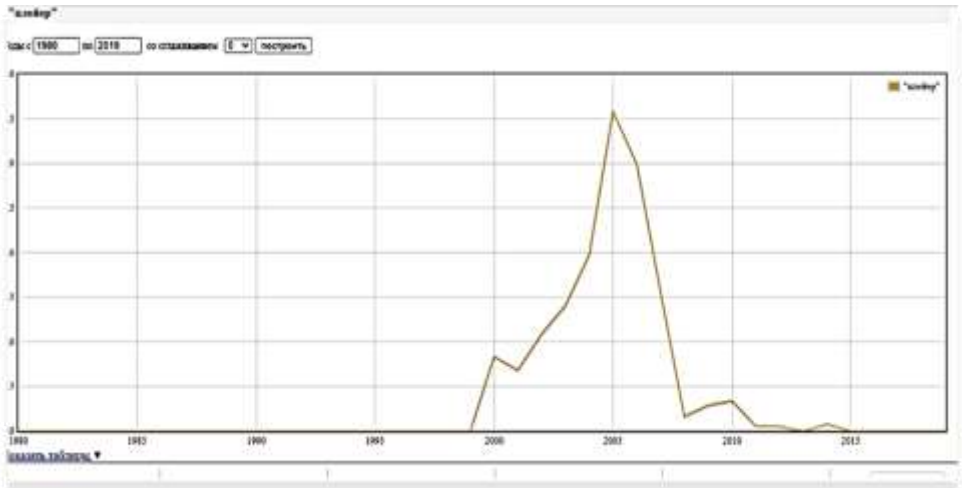

Рис. 8. График частоты использования слова *плеер*

Также гораздо реже стали встречаться в газетах такие слова, как *компакт-диск* (всего одно вхождение в 2018 г. – 28 в 2010 г.), *ридер* (2 вхождения в 2018 г. – 27 в 2017 г.), *экспи* (1 вхождение в 2015 г. – 63 вхождения в 2004 г.), *телетекст* (последнее вхождение – в 2010 г.), *бипер* (последнее вхождение в 2002 г.), *декодер* (последнее вхождение в 2012 г.).

Таким образом, значительное количество иноязычных слов, появившихся в русском языке в конце XX начале XXI века, ушло или стало употребляться намного реже.

Проанализировав новые заимствования в тематико-семантической группе «Техника, технологические процессы и интернет», мы увидели, что за последние 20 лет в русский язык пришло большое количество иноязычных слов, иногда обозначающих целые понятийные поля. Этому поспособствовало развитие информационных технологий, сделавших культурный обмен более простым и быстрым. Языками-источниками послужили английский, японский. Наблюдая за освоением новой лексики, можно сделать вывод о том, что судьба заимствований складывается по-разному: многие из них ассимилируются и не теряют своей частотности, другие выходят из состава общеупотребительной лексики. В связи с этим можно с

уверенностью сказать, что процесс лексического заимствования не несёт опасности. И как писал Л.П.Крысин, «язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного» [6].

Библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с. [Электронный ресурс]<https://www.efremova.info/> (дата обращения 11.01.2021).
2. Захватаева К.С. Семантические заимствования из английского языка в современной русской языковой картине мира//Научная мысль Кавказа. – 2013, с.142-145.
3. Клушина Н.И. Обогащение языка или пополнение лексикона? // Русская речь. – 2016. – №6.С. 66.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 671 с. [Электронный ресурс]<http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке//Русский язык за рубежом. – 1993. №2. С. 58-64.
6. Крысин Л.П. О русском языке наших дней//Изменяющийся языковой мир. – 2002. [Электронный ресурс]<http://philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения 4.02.2021).
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.[Электронный ресурс]<https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения 10.01.2021).
8. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
9. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ООО «Издательство Элпис», 2008. – 495 с.
10. Морозов, В.Э. Об использовании заимствованных слов // Русская речь. – 2009. – №1. – С. 41-47.
11. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс] <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 05.01.2021).

12. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношении к ним. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. – 151 с.
13. Сборный словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-foreign2.htm/> (дата обращения: 05.01.2021).
14. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX вв. – М.-Л., 1965. – С. 178.
15. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 416 с.
16. Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда// Отечественные записки. – М., 2005, № 2(23) [Электронный ресурс] <http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm>.
17. Forbes [Электронный ресурс] <https://www.forbes.ru/biznes/405947-samye-dorogie-brendy-mira-2020-goda-po-versii-forbes/> (дата обращения: 05.01.2021).

Тилев Энчо Тилев
главный ассистент, доктор филологии
Пловдивский университет им. Паисия
Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Tilev Encho Tilev
Assistant Professor, Ph.D
University of Plovdiv Paisii Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: tilev.encho@gmail.com

Э.Т.Тилев

К ПРОБЛЕМЕ НАКЛОНЕНИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ

Аннотация. Вопрос о модальности как языковой абстракции является одним из самых дискуссионных в теоретической лингвистике, так как он касается проблемы взаимодействия говорящей личности с действительностью, а также проблем, связанных с воплощением данных значений в речи. Модальность – языковая категория, чья связь с логическим строем мышления наиболее непосредственна. Поэтому рассматриваемая абстракция является предметом исследования как лингвистики, где модальность – один из самых существенных признаков предложения, так и логики, где модальность – признак суждения как формы мышления. Бесспорная значимость модальности подтверждается также тем фактом, что наклонение считается одной из древнейших грамматических категорий, возникшей еще в праиндоевропейском языке (между X и VII тысячелетиями до н.э.).

Ключевые слова: модальность, наклонение, грамматическая категория.

E.T.Tilev

ON THE PROBLEM OF MOOD AS AN ABSTRACT GRAMMATICAL NOTION

Abstract. The question of modality is one of the most debatable in theoretical linguistics as it includes the problem of a speaker's interaction with reality, and then there are the problems connected with the manifestation of these meanings in speech. Modality is among the language categories whose link with the logical order of thinking is most immediate. Because of this it is subjected to investigation by both linguistics, which views modality as one of the most essential features of a sentence, and logic where modality is a property of a judgment as a form of thought. This is also confirmed by the fact that mood is among the most ancient grammatical categories and

its origin can be traced back to the Proto-Indo-European language (10th - 7th millennium BC).

Keywords: modality, mood, grammatical category.

Исследователям языка известно, что вопрос о сущности категории наклонения является одним из все еще нерешенных в современной лингвистике, и пока невозможно дать единый ответ на все порождающиеся вопросы. Многие дискуссии, касающиеся проблемы природы данной языковой абстракции, вызваны тем фактом, что наклонение имеет универсальную логическую основу, и средства выражения модальной семантики в языках мира слишком разнообразны.

Наклонение, как отмечает М. Данчева [1, с. 5], является одной из древнейших грамматических категорий, поэтому принято считать, что данная абстракция сформировалась еще в праиндоевропейском языке (между X и VII тысячелетиями до н.э.). В хеттском языке, наиболее рано выделившемся среди индоевропейских языков, наблюдается двухчленное противопоставление *индикатив* ~ *императив*. Становление императива объясняется тем, что данная граммема отличается множеством семантических оттенков – от побуждения, мольбы, разрешения до увещания, предостережения и запрета. Выражение побуждения, по утверждению М. Данчевой, особенно важно для тогдашнего общества, в связи с чем данная семантика выражалась значительно шире. В хеттском языке есть повелительные формы 1, 2 и 3 л. ед.ч. и 2 и 3 л. мн.ч.; в санскрите – формы всех лиц ед., дв. и мн. ч., в древнегреческом – 2 и 3 л. ед., дв. и мн. ч. Древнейшее средство выражения императивности – сама основа глагола, обладающая императивным значением 2 л. ед. ч. Наряду с этим, показателями императива служат флексии и некоторые частицы [1, с. 7].

В общиндоевропейском языке (около VII тысячелетия до н.э.) начинают формироваться и другие модальные грамлемы. Оптатив, например, опережает конъюнктив по времени возникновения. Сначала оптатив выражал желание, срв. в древнем индийском *vayām syāma pātayo rayīnām* ‘пусть будем владельцами богатств!’ [цит. из 1, с. 8]. В зависимости от контекста, эта граммема выражала

также пожелание, общее предписание, учтивый приказ, побуждение или возможность. С другой стороны, в древнегреческом, ведийском, авестийском и в тохарских языках наклонение – четырехчленная категория, составленная граммемами *индикатив* ~ *конъюнктив* ~ *оптатив* ~ *императив*. В указанных языках конъюнктив выражал желание говорящего осуществить или не осуществлять определенное действие, а также побуждение, приказ или просьбу (последняя относится обычно к 3 л. ед.ч., а в латинском – и ко 2 л. ед.ч.), предположение или употреблялся как соответствие императиву.

С помощью конъюктива, как свидетельствуют языковые памятники, выражались воображаемые, предполагаемые, желательные, (не)осуществимые или неосуществленные действия. Ирреальность, которая считается отличительной чертой конъюктива, обуславливает его употребление и во многих типах придаточных предложений. В древних индоевропейских языках не все граммы были одинаково представлены, и это доказывает тот факт, что грамматикализация языковых значений – не всеохватный и не одновременный процесс во всех языках, но она характеризуется самостоятельностью и формально-семантической самобытностью. В диахроническом плане даже лишь в одном языке нередко наблюдаются случаи изменения членов категории наклонения, о чем свидетельствует как раз возникновение кондиционала в древних индоевропейских языках. С другой стороны, оптатив и конъюнктив в славянских языках исчезли формально, но их функции выполняются соответственно императивом и кондиционалом.

Проблема модальности является одной из наиболее дискуссионных в теоретическом языкознании, так как она воплощает в себя вопрос о взаимодействии говорящей личности с действительностью, а также вопрос о воплощении данных значений в речи. Не на последнем месте, возникает опять проблема научной парадигмы и терминологического кода, сквозь призму которых описываются абстракции.

Согласно утверждению В. З. Панфилова, модальность – одна из тех категорий языка, чья связь с логическим строем мышления

является самой непосредственной [3, с. 37]. Поэтому модальность становится предметом исследования лингвистики, рассматривающей ее как один из самых существенных признаков предложения, так и предметом исследования логики, где модальность есть признак суждения как формы мышления. В настоящем исследовании лингвистический аспект модальности занимает центральное место, и она интерпретируется как «отношение содержания высказывания к действительности» [2, с. 94]. Отношение к действительности, как отмечает Г. В. Колшанский, следует понимать как отношение правильности или неправильности отражения объективной действительности. Иными словами, определяется истинность или неистинность суждения, которое содержится в высказывании при его соотношении с действительностью. Традиционно выделяется два типа модальности – *объективная* (онтологическая) и *субъективная* (персуазивная, эпистемическая). Если объективная модальность оценивает характер объективных связей в данной ситуации действительными, возможными или необходимыми, то субъективная модальность выражает оценку говорящего относительно степени достоверности этих связей. В этом случае В. З. Панфилов различает проблематичную, простую и категорическую достоверность [3, с. 39].

Объективная модальность выражается с помощью изъявительного и сослагательного наклонений, а также с помощью модальных глаголов (как это делается, например, в немецком языке) или лексем типа *действительно, можно, надо, необходимо*. Б. Ханзен называет эти слова «модальными вспомогательными словами» и рассматривает их как полуграмматикализованные средства выражения модальности, которые постепенно переходят к грамматике [6]. Данный подход вполне возможен, так как он отражает функциональную близость этих слов к грамматическим модальным средствам. Их можно рассматривать также как лексемы, находящиеся на периферии функционально-семантического поля модальности. В таком случае проблема места данных слов в классификации частей речи, отмеченная Кр. Чолаковой [7], не теряет актуальность. В рамках объективной модальности

различаются *алетическая* и *деонтическая модальность*. Первая выражает возможность или необходимость с точки зрения реальных (физических) условий и состояний, напр.: *Любое тело, брошенное вверх со скоростью ниже первой космической, должно упасть на землю*. Деонтическая модальность тоже выражает возможность или необходимость, но по отношению к общественным нормам, этическим принципам и т.п., напр.: *Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть **обязан*** (Н. А. Некрасов).

Что касается субъективной модальности, нужно обратить внимание на то, что степень достоверности выражаемой мысли и истинность суждения – это разные абстракции. Суждение, характеризующееся, с точки зрения субъективной модальности, категорической достоверностью, может быть истинным или неистинным по отношению к действительности. Степень достоверности чаще всего выражается при помощи интонации и лексем с модальным значением, как напр. : *наверное, может быть, несомненно* и т. д. Если объективная модальность отражает в языке только связи действительности, то с помощью субъективной модальности говорящий указывает на степень достоверности высказывания.

В настоящем исследовании принимается определение, согласно которому наклонение выражает отношение действия к действительности [срв., напр., 4, с. 618 – 619]. И в этом случае отношение определяется говорящим, поэтому разделяем мнение М. К. Сабаневой, что реальность, выражаемая индикативом, субъективна [5, с. 46]. В русском языке категория наклонения является тернарной, состоящей из изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. По отношению к болгарскому языку, принимается утверждение И. Куцарова, что категория четырехграммная, причем индикатив, являющийся носителем объективной модальности, противопоставляется субъективно-модальным императиву, кондиционалу и конклюдиву.

Некоторые авторы относят к наклонению также пересказывательное наклонение, адмиратив, эвиденциальность и т.д., но в настоящем исследовании они остаются вне поля зрения, так как для выражения данных значений в русском языке нет

специальных морфологических форм. Хорошо известно, что в зависимости от типа модальности, выражаемой отдельными наклонениями, их можно разделить на объективно-модальные (индикатив, напр.) и субъективно-модальные (императив, кондиционал, а в болгарском – и конклюдив). Индикатив рассматривается как прямое наклонение, в котором действие является реальным, а остальные наклонения считаются косвенными. Важно подчеркнуть, что семантика косвенных наклонений не сводится лишь к определению действия как ирреального (в ином случае можно было бы пользоваться лишь одним косвенным наклонением), а наоборот, у них есть и другие семы.

По мнению М. К. Сабанеевой, грамматическая семантика модальных граммем можно разложить на дифференциальные семантические признаки, с помощью которых наклонения противопоставляются друг другу по своим первичным функциям. Первый дифференциальный семантический признак, по которому индикатив противопоставляется остальным наклонениям, – это представление действия как реального или нереального. Второй признак связан с наличием/отсутствием субъективного фактора как способа связи нереального действия с действительностью. В индикативе, как можно предположить, этот фактор отсутствует, в то время как у косвенных наклонений он является обязательным и различным для каждой граммеы.

В повелительном наклонении такой фактор – волевое отношение говорящего, направленное на осуществление действия путем призыва к субъекту, а в сослагательном наклонении фактором является гипотетическое условие [см. подробнее 5, с. 48 – 49]. На основе указанных выше признаков М. К. Сабанеева дефинирует наклонение как «систему личных форм глагола, противопоставленных по принципу выраженность/невыраженность представления говорящего о способе связи действия с действительностью» [5, с. 53].

Вопрос места наклонения среди остальных грамматических категорий глагола кажется почти решенным в русском языке. Это обусловлено тем, что парадигма русского глагола подверглась

серьезному упрощению в течение веков, что повлияло на число наличных форм наклонения и времени. В болгарском же языке, где в большей степени сохранилась прежняя парадигма глагола, наклонение по сей день привлекает внимание лингвистов, что приводит даже к обособлению новых категорий. Это доказывает необходимость в дальнейшем изучении данной лингвистической абстракции не только на примере отдельных языков, но и в сравнении с родственными или неродственными языками.

Библиографический список

1. Данчева М. Наклонението като граматична категория в древните и в някои съвременни индоевропейски езици // Съпоставително езикознание. – 2002. – № 1. – С. 5–30.
2. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 94–98.
3. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
4. Русская грамматика. Том I. – М: Наука, 1982 – 759 с.
5. Сабанеева М.К. О сущности наклонения // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 46–55.
6. Ханзен Б. На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 68–84.
7. Чолакова Кр. Към въпроса за изразяване на модалност по лексикален път // Известия на Института за български език. – 1964. – Кн. XI. – С. 125–135.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Благоев Благовест Асенов
Ассистент
Велико-тырновский университет им.
Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: b.blagoev@ts.uni-vt.bg

Blagoev Blagovest Asenov
Assistant
St Cyril and St Methodius University
of Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: b.blagoev@ts.uni-vt.bg

Б. А. Благоев

РИФМА ПАВЛА МАТЕВА

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка описания рифмы Павла Матева на базе частотного словаря словоформ, употребленных в рифменной позиции. Рассматриваются количественные характеристики словоформ и рифменных пар в зависимости от однократности и многократности их употребления, характера созвучий, места ударения рифмующих слов и позиции рифмующих слов в строфе. Полученные данные интерпретируются как целенаправленные усилия поэта обогатить свой рифменный репертуар в содержательном отношении, что является характерной чертой его идиостиля.

Ключевые слова: частотная характеристика рифм, рифменная пара, идиостиль

B. A. Blagoev

PAVEL MATEV'S RHYMES

Abstract: The present article attempts to describe Pavel Matev's rhymes based on the frequency dictionary of word forms used in rhyme position. The quantitative characteristics of word forms and rhyme pairs are considered depending on the singularity and frequency of their use, the nature of the consonances, the place of stress of rhyming words and the position of rhyming words in the stanza. The data obtained are interpreted as the poet's purposeful efforts to enrich his rhyme repertoire in meaningful relations, which is a characteristic feature of his idiostyle.

Keywords: frequency response of rhymes, rhyme pair, idiostyle

Современные программные средства для обработки текстовой информации позволяют исследователям формировать обширные и

разнообразные базы данных, которые становятся источником для дальнейших анализов. Одно из возможных применений этих программных средств – это составление частотных словарей, посредством которых наблюдения над индивидуальным стилем авторов художественных произведений подтверждаются объективными количественными данными.

Нами уже была представлена методика составления частотного словаря рифм болгарского поэта Павла Матева с помощью находящейся в свободном доступе программы VX Language acquisition¹. Изучение рифмы Павла Матева количественными методами мы считаем важным этапом на пути к описанию индивидуального стиля поэта. Напомним, что в частотный словарь рифм Павла Матева были включены 2534 употребленные в рифменной позиции словоформы, которые были экскерпированы из 120 стихотворений, что составляет около 10% лирического наследия поэта. В результате мы получили очень полезные числовые данные об особенностях рифмы Павла Матева, попыткой интерпретировать которые является настоящая работа.

Предельно общий взгляд на частотный словарь после упорядочивания единиц по убыванию ранговой частоты уже показывает, что в рамках первых 100 уникальных словоформ в рифменной позиции их частота уменьшается относительно резко:

№ п/п	Слово-форма в рифменной позиции	Частота	№ п/п	Слово-форма в рифменной позиции	Частота	№ п/п	Слово-форма в рифменной позиции	Частота	№ п/п	Слово-форма в рифменной позиции	Частота
1.	път	23	2.	мен	16	3.	звезди	15	4.	дни	13

49.	лято	5	50.	Марица	5	51.	остава	5	52.	пръст	5

97.	самота	4	98.	слава	4	99.	спомен	4	100.	страсти	4

¹ Благоев Б.А. Частотный словарь рифм Павла Матева: методика составления // Болгарская русистика. – 2019. – № 3. – С. 39 – 51.

Наблюдения над частотным словарем в полном его объеме показывают, что общее количество словоупотреблений в рифменной позиции – 2534, можно свести к 1687 уникальным словоформам. Частота 1327 уникальных словоформ равняется 1, т.е. доля однократно употребленных в рифменной позиции словоформ по отношению к общему количеству словоупотреблений составляет $1327:2534 \approx 52,4\%$, тогда как доля многократных словоупотреблений (с частотой <1) по отношению к общему количеству словоупотреблений составляет $1207:2534 \approx 47,6\%$. Еще более убедительное доказательство многообразия рифмы Павла Матева содержится в распределении однократных и многократных уникальных словоформ в рифменной позиции по отношению к общему количеству уникальных словоформ (не словоупотреблений!) в массиве. Доля первых составляет $1327:1687 \approx 78,7\%$, а доля вторых – едва $360:1687 \approx 21,3\%$. Наглядное представление о доле многократно употребленных в рифменной позиции уникальных словоформ по отношению к общему количеству уникальных словоформ в рифменной позиции дает следующая таблица:

Частота	Количество словоформ с данной частотой	Количество словоупотреблений словоформ с данной частотой	Общее количество уникальных словоформ в рифменной позиции	Доля словоформ с частотой <1 по отношению к общему количеству уникальных словоформ в рифменной позиции
2	200	400	1687	$\approx 11,9\%$
3	52	156	1687	$\approx 3,1\%$
4	48	192	1687	$\approx 2,9\%$
5	19	95	1687	$\approx 1,1\%$
6	10	60	1687	$\approx 0,59\%$
7	9	63	1687	$\approx 0,53\%$
8	9	72	1687	$\approx 0,53\%$
12	4	48	1687	$\approx 0,24\%$

13	3	39	1687	≈0,18%
9	2	18	1687	≈0,12%
10	1	10	1687	≈0,06%
15	1	15	1687	≈0,06%
16	1	16	1687	≈0,06%
23	1	23	1687	≈0,06%

В приведенном частотном диапазоне четко проступает следующая тенденция – чем больше ранговая частота, тем меньше количество словоформ, характеризующихся этой частотой (за небольшими исключениями). Так, например, частота, равняющаяся 2, наблюдается у 200 различных словоформ, что составляет более чем 50% всех многократных словоформ в рифменной позиции, тогда как значение частоты 23 зафиксировано у всего лишь одной словоформы. Данный факт наводит на мысль о том, что Павел Матев предпочитает повторять в рифменной позиции относительно ограниченный, устойчивый набор словоформ, за пределами которого ищет пути активного развития рифменных ресурсов болгарского языка. Иными словами, автор допускает «необходимые», «неизбежные» повторы. Следует отметить, что для такой «неизбежности» имеются причины как объективного, так и субъективного характера. Объективные причины можно искать во все-таки конечном количестве созвучий, которые данный язык может сгенерировать, а также в ограничениях, которые выбранная для конкретного поэтического текста ритмо-метрическая схема налагает на рифмовку. Субъективные же связаны с индивидуальными предпочтениями, оказываемыми автором тому или иному типу созвучий, с идейно-эстетической и тематической перспективой, которой он стремится достигнуть в соответствующем произведении.

Обнаруженные выше зависимости между частотными характеристиками словоформ и словоупотреблений в рифменной позиции свидетельствуют о добросовестном отношении Павла Матева к рифме. Здесь логично возникает вопрос о дозировке «неизбежных» рифменных повторов и уникальных рифм, о преодолении «рифменной неизбежности». Чтобы ответить на этот вопрос, на некоторое время оставим в стороне частотный словарь, в

котором отдельные словоформы функционируют сами по себе, и попытаемся установить, какие комбинации они образуют между собой. Следует отметить, что в огромной своей части массив состоит из рифменных пар (*боли – скали; звезды – следы*), рифменные «триады» (*ласка – тласкаш – стряска; пьян – сам – храм*) были обнаружены в 12 случаях. Чтобы унифицировать «единицу измерения», мы свели каждую «триаду» к рифменной паре с повторением среднего члена: *ласка – тласкаш; тласкаш – стряска*. Таким образом при 2534 словоупотреблениях мы получили массив из 1273 рифменных пар. Статистическое искажение при таком подходе составляет всего лишь 0,47% и практически не оказывает влияние на наблюдаемую картину. В результате тщательного отслеживания сочетаемости каждой из словоформ в каждом конкретном случае ее употребления мы получили следующие числовые данные: Павел Матов употребил более чем один раз 167 рифменных пар (приблизительно 13,1% всего массива), однократно же поэт употребил 1106 рифменных пар (приблизительно 86,9%), т.е. соотношение однократных и многократных рифменных пар составляет 6,6:1. Результаты наших подсчетов подтверждают усердное отношение Павла Матова к каждому стиху, о чем свидетельствуют и следующие слова поэта: «Я всегда ношу с собой листочки, на которых записываю отдельные слова, какую-то идею, сочетание слов, что пришло мне в голову. Есть у меня еще блокнот, куда я переписываю все с листочков. (...) Употребив то, что там записано, я его зачеркиваю, чтобы не путаться и не повторяться» [2, с. 146-147].

Дальнейшие наблюдения над кратностью употребления повторяющихся рифменных пар только подтверждают установленную при анализе отдельных словоформ зависимость – чем больше кратность, тем меньше количество рифменных пар, характеризующихся этой кратностью: двукратно употребляются 47 различных рифменных пар ($\approx 56,3\%$ всех многократных рифменных пар), трёхкратно – 16 пар ($\approx 28,7\%$ всех многократных рифменных пар), четырёхкратно – 3 пары ($\approx 7,2\%$ всех многократных рифменных пар), пятикратно – 1 пара ($\approx 3\%$ всех многократных рифменных пар), восьмикратно – 1 пара ($\approx 4,8\%$ всех многократных

рифменных пар). Самой высокой частотностью характеризуется рифменная пара *зов – любовь*, что в очередной раз иллюстрирует положение о «неизбежных рифмах».

В данной связи было бы интересно проследить, в каких комбинациях встречается самая частотная из словоформ, употребленных в рифменной позиции, а именно словоформа *нът*, чья ранговая частота равняется 23. Казалось бы, именно здесь можно прогнозировать большое количество повторяющихся рифменных пар. Полученные объективные данные говорят об обратном – *нът* участвует всего лишь в двух уникальных двукратно употребленных рифменных парах, а именно *нът – звучат* и *нът – мълчат*, и в 19 однократно употребленных, среди которых такие пары, как *нът – гласът*, *нът – отвъд*, *нът – приютят*, *нът – профучат*, *нът – скръб*, *нът – смирят*, *нът – смърт*. В сущности, приведенный пример говорит о том, как Павел Матев добивается многообразия рифм. В первую очередь, следует обратить внимание на умелое использование возможности болгарского языка в области глагольного формообразования – словоформа *нът* может образовать созвучия с формами глагола третьего лица множественного числа настоящего времени с ударением на последнем слоге. Поэтому 12 из 19 однократных рифменных пар следуют данной модели. К приведенным выше примерам можно добавить пары *нът – вървят*, *нът – горят*, *нът – зоват*, *нът – летят*, *нът – мрат*, *нът – отнесат*, *нът – простят*, *нът – растат*, *нът – ранят*. Данная картина навела нас на мысль о более детальном рассмотрении частеречного состава рифменных пар.

По параметру «частеречная принадлежность» словоформы в рифменной позиции распределяются следующим образом:

Часть речи	Число словоформ в рифменной позиции	Доля от общего числа словоформ в рифменной позиции	Общее число словоформ в рифменной позиции
имена существительные	1458	57,3 %	2546
глаголы	585	23 %	2546

имена прилагательные	213	8,4 %	2546
наречия	125	4,9 %	2546
местоимения	73	2,9 %	2546
страд. прич. прош. вр.	58	2,3 %	2546
действ. прич. прош. вр.	18	0,7 %	2546
частицы	6	0,2 %	2546
имена числительные	6	0,2 %	2546
междометия	2	0,08 %	2546
союзы	2	0,08 %	2546

Данные, представленные в первой половине таблицы, вряд ли вызывают удивление: преобладающее количество имен существительных вполне закономерно. Данный факт можно объяснить образной маркированностью рифм – в стихотворной строке в рифменной позиции располагаются ключевые слова-образы, чьими основными экспликаторами являются имена существительные. О своеобразии рифм Павла Матева свидетельствует, скорее, нижняя часть таблицы, откуда видно, что имена числительные, частицы, междометия и союзы занимают необычную для данных классов слов рифменную позицию: *дори – заподозри, пръв – кръв, две – викове, защото – доброто, уви – треви*. Здесь так же, как и в случае с рифменными парами, полное раскрытие характерной для поэзии Павла Матева морфологической структуры рифмы связано с установлением комбинаций, которые образуют словоформы разной частеречной принадлежности. Число выявленных в нашем массиве морфологических моделей, по которым строятся рифменные пары, составляет 33. Данные об их соотношении приводятся в следующей таблице:

Морфологическая модель	Количество пар	Доля от общего числа рифменных пар	Общее число рифменных пар
существительное – существительное	477	37,5%	1273
существительное – глагол	265	20,8%	1273

глагол – глагол	119	9,3%	1273
существительное – прилагательное	98	7,7%	1273
существительное – наречие	66	5,2%	1273
прилагательное – глагол	42	3,3%	1273
существительное – местоимение	33	2,6%	1273
прилагательное – прилагательное	22	1,7%	1273
глагол – наречие	21	1,6%	1273
существительное – страд. прич. прош. вр.	21	1,6%	1273
местоимение – страд. прич. прош. вр.	16	1,3%	1273
прилагательное – наречие	12	0,9%	1273
местоимение – глагол	11	0,9%	1273
существительное – действ. прич. прош. вр.	11	0,9%	1273
наречие – наречие	10	0,9%	1273
прилагательное – страд. прич. прош. вр.	8	0,6%	1273
прилагательное – местоимение	7	0,5%	1273
страд. прич. прош. вр. – страд. прич. прош. вр.	4	0,3%	1273
существительное – числительное	4	0,3%	1273
глагол – частица	3	0,24%	1273
страд. прич. прош. вр. – наречие	3	0,24%	1273
существительное – частица	3	0,24%	1273
глагол – действ. прич. прош. вр.	2	0,2%	1273
глагол – страд. прич. прош. вр.	2	0,2%	1273
местоимение – местоимение	2	0,2%	1273
местоимение – наречие	2	0,2%	1273
прилагательное – страд. прич.	2	0,2%	1273

прош. вр.			
существительное – союз	2	0,2%	1273
глагол – междометие	1	0,08%	1273
действ. прич. прош. вр. – действ. прич. прош. вр.	1	0,08%	1273
действ. прич. прош. вр. – наречие	1	0,08%	1273
сущетвительное – междометие	1	0,08%	1273
числительное – числительное	1	0,08%	1273

Представленные выше результаты, на наш взгляд, недвусмысленно иллюстрируют характерное для индивидуального стиля Павла Матева морфологическое разнообразие рифм. Не менее существенное доказательство этого разнообразия содержится в соотношении гомогенных и гибридных рифм. Под гомогенными рифмами мы понимаем рифмы, чьи компоненты принадлежат к одной и той же части речи, тогда как гибридные рифмы состоят из компонентов, относящихся к разным частям речи. Анализ исследуемого нами массива рифм по данному параметру всего лишь подтверждает то, что в поисках созвучий Павел Матов умело орудует морфологическим потенциалом болгарского языка – доля гомогенных рифм составляет 50,04% (637 рифменных пар), а доля гибридных – 49,96% (636 рифменных пар). Среди гомогенных рифм лидируют именные – 79%, что неудивительно, тогда как доля глагольно-адвербиальных составляет 21%. Среди гибридных рифм самой большой частотностью характеризуются комбинации имен существительных и глаголов – 41,6%, наиболее редко встречаются пары, состоящие из действительных причастий прошедшего времени, из действительных причастий прошедшего времени и наречий, из существительных и междометий, из глаголов и междометий и из числительных, чья суммарная доля составляет, как видим из таблицы, всего лишь 0,4%.

Другим источником информации о «рифменном почерке» Павла Матева является установление соотношения точных и неточных мужских, женских, дактилических, клаузульно-разнородных и диссонансных рифм. Следует отметить, что

исследование эволюционных параметров болгарской рифмы с применением точных методов уже проводилось болгарским стиховедом Я. Мильчаковым [7, с. 109-110] на обширном материале, начиная с рифмы И. Вазова и заканчивая рифмой Ламара. Для нас накопленные им данные об эволюции болгарской рифмы чрезвычайно важны, поскольку это позволит установить место рифмы Павла Матева в рамках данного эволюционного процесса. Отметим, что в основе исследования Я. Мильчакова лежит типология рифм М.Л. Гаспарова [1, с. 293-298], согласно которой выделяются следующие типы рифм: *Mt* – **мужские точные**: «заслон – сезон», «сломен – ден» (П. Матев); *Mй* – **мужские йотированные**: «вий – яви»; *Мон* – **мужские открытые неточные**: «вЗе – мъЖе», «криЛо – зърНо» (П. Матев); *Mзн* – **мужские закрытые неточные**: «дъжД – ръж», «храМ – керваН» (П. Матев); *Mзо* – **мужские закрыто-открытые**: «двоР – хоро», «очи – мълчиМ» (П. Матев); *Жт* – **женские точные**: «корави – остави», «далечен – сърдечен» (П. Матев); *Жн* – **женские неточные**: «раждаТ – жажда», «колБа – болКа» (П. Матев); *Жп* – **женские приблизительные**: «конетЕ – полетО», «зима – необяснимО» (П. Матев); *Жд* – **женские диссонансные**: «дрУги – чучулиГи» (П. Матев); *Дт* – **дактилические точные**: «зениците – грозниците», «навици – светкавици» (П. Матев); *Дн* – **дактилические неточные**: «сетНата – клетВата» «пилета – отминали» (П. Матев); *Асим* – **асимметричные (клаузульно-разнородные)**: «име – винаги», «излишно – вишните» (П. Матев).

После отнесения каждой рифменной пары нашего массива к соответствующему типу рифмы мы дополнили данные, полученные Я. Мильчаковым, следующим образом:

	Mt	Mй	Мон	Mзн	Mзо	Жт	Жн	Жп	Жд	Дт	Дн	Асим	Колич. пар
1. Иван	40,6	–	1,1	0,4	–	50,9	1,3	3,6	–	1,95	0,2	–	2000
2. П.П. Славе	18,8	–	0,6	0,2	–	70,6	1,4	7,4	–	2,5	–	–	500
3. П.П. Славе йков	48,9	–	0,6	–	–	45,3	1,1	4,1	–	–	–	–	1000

4. К. Хрис	39,3	–	0,2	–	–	54	0,9	3,1	–	2,5	–	–	450
5. П.К.	43,2	–	0,1	0,1	–	55,8	0,3	–	–	0,5	–	–	1531
6. Д. Бояд	46,2	–	0,3	0,3	0,3	50,3	0,3	2,3	–	–	–	–	346
7. Т. Траян	46,1	–	0,9	0,4	–	38,9	3,5	10,2	–	–	–	–	458
8. Е. Ненч	54,9	–	1,1	0,3	–	41,6	1,3	0,8	–	–	–	–	375
9. Е. Поп-	46,9	–	1,9	0,5	0,3	41,4	2,7	2,9	–	2,1	1	0,3	377
10. Д. Дебел	49,5	0,01	0,3	0,3	–	41,9	1,3	4,6	0,01	1,25	0,3	0,9	1039
11. Вен Тин	44,6	–	1	1	–	46,7	2,6	4,1	–	–	–	–	195
12. Н. Лили	49,1	–	0,2	0,3	0,2	36,4	4,4	6,1	–	1,4	0,3	1,6	658
13. Х. Смирненск	55,9	–	0,9	0,7	–	34,1	1,6	5,8	–	0,7	0,3	–	762
14. А. Далче	29,3	0,3	3,4	2,1	4,1	5,9	20,7	5,9	–	2,1	5,5	20,7	290
15. А. Рас-	26,7	–	4,8	2,7	1,4	6,8	20,5	15,8	–	1,4	13,1	6,8	146
16. Н. Фурнаджие	21,7	–	7,5	3,3	–	9,7	19,7	13,3	–	4,7	21,7	–	120
17. Г. Миле	39,3	–	1,7	1,5	0,9	22,4	11,6	3,7	–	9,6	5,7	3,9	355
18. Е. Багря	20,8	0,4	0,2	0,4	2,4	26	17,2	16,2	–	5,8	3	7,6	500
19. И. Минч	42,5	0,5	–	1,5	2	10	16,5	10	–	1,5	4	11,5	200
20. Павла	4,8	–	0,5	–	–	14,3	14,4	11,2	–	4,6	16,5	33,7	436
21. П. Мате	36	–	5,7	3,4	2,1	17,4	20,7	8,6	0,2	1,6	1,3	3,1	1273

Как видно из таблицы, пустых ячеек у Павла Матева практически нет, за исключением неразработавшейся им мужской йотированной рифмы, что еще раз свидетельствует о требовательном отношении поэта к рифмовке. Дополнительные подсчеты показывают, что параметр «мужские точные рифмы» отводит Павлу Матеву пятнадцатое место, параметр «женские точные рифмы» – шестнадцатое, параметр «дактилические точные рифмы» – десятое. Наоборот, по параметру «мужские открытые неточные рифмы» он занимает второе место, по параметру «мужские закрытые неточные рифмы» – первое, по параметру

«мужские закрыто-открытые рифмы» – третье, по параметру «женские неточные рифмы» – второе, по параметру «женские приблизительные рифмы» – седьмое, по параметру «женские диссонансные рифмы» – первое, по параметру «дактилические неточные рифмы» – восьмое, по параметру «ассиметричные рифмы» – седьмое.

Более обобщенную интерпертацию наличных числовых данных можно провести, суммируя доли точных мужских, женских и дактилических рифм:

	Мт	Мй	Мон	Мзн	Мзо	Жт	Жн	Жп	Жд	Дт	Дн	Ас-сим	Доля точных рифм%
1. П.К. Яворов	43,2	–	0,13	0,07	–	55,8	0,3	–	–	0,5	–	–	99,5
2. Д. Бояджиев	46,2	–	0,3	0,3	0,3	50,3	0,3	2,3	–	–	–	–	96,5
3. Ек. Ненчева	54,9	–	1,1	0,3	–	41,6	1,3	0,8	–	–	–	–	96,5
4. К. Христов	39,3	–	0,2	–	–	54	0,9	3,1	–	2,5	–	–	95,8
5. П.П. Славейков – «Кървава песен»	48,9	–	0,6	–	–	45,3	1,1	4,1	–	–	–	–	94,2
6. Иван Вазов	40,6	–	1,1	0,35	–	50,9	1,3	3,6	–	1,95	0,2	–	93,45
7. Д. Дебелянов	49,5	0,01	0,3	0,3	–	41,9	1,3	4,6	0,01	1,25	0,3	0,9	92,65
8. П.П. Славейков – лирика	18,8	–	0,6	0,2	–	70,6	1,4	7,4	–	2,5	–	–	91,9
9. Вен Тин (Ст. Тинтеров)	44,6	–	1	1	–	46,7	2,6	4,1	–	–	–	–	91,3
10. Х. Смирненски	55,9	–	0,9	0,7	–	34,1	1,6	5,8	–	0,7	0,3	–	90,7
11. Е. Попдимитров	46,9	–	1,9	0,5	0,3	41,4	2,7	2,9	–	2,1	1	0,3	90,4
12. Н. Лилиев	49,1	–	0,2	0,3	0,2	36,4	4,4	6,1	–	1,4	0,3	1,6	86,9
13. Т. Траянов	46,1	–	0,9	0,4	–	38,9	3,5	10,2	–	–	–	–	85
14. Г. Милев	39,3	–	1,7	1,5	0,9	22,4	11,6	3,7	–	9,6	5,7	3,9	71,3
15. Павел Матов	36	–	5,7	3,4	2,1	17,4	20,7	8,6	0,16	1,6	1,3	3,1	55
16. И. Мирчев	42,5	0,5	–	1,5	2	10	16,5	10	–	1,5	4	11,5	54
17. Е. Багряна	20,8	0,4	0,2	0,4	2,4	26	17,2	16,2	–	5,8	3	7,6	52,6
18. А. Далчев	29,3	0,3	3,4	2,1	4,1	5,9	20,7	5,9	–	2,1	5,5	20,7	37,3
19. Н. Фурнаджиев	21,7	–	7,5	3,3	–	9,7	19,7	13,3	–	4,7	21,7	–	36,1
20. А. Расцветников	26,7	–	4,8	2,7	1,4	6,8	20,5	15,8	–	1,4	13,1	6,8	34,9
21. Ламар	4,8	–	0,5	–	–	14,3	14,4	11,2	–	4,6	16,5	33,7	23,7

Доля точных рифм у Павла Матева составляет, как видно из таблицы, 55%, что отводит ему пятнадцатое место по данному параметру. Таким образом, складывающееся при восприятии его лирики интуитивное представление о том, что он отдает предпочтение неточным и приблизительным созвучиям, подтверждается объективными данными. Справедливости ради следует отметить, что эта особенность индивидуального стиля Павла Матева не осталась незамеченной исследователями. Так, например, Г. Константинов отмечает, что «в большинстве случаев напевность в стихе Павла Матева кроется в неполных созвучиях» [5, с. 315]. С другой стороны, утверждение о том, что стих Павла Матева следует «в частности, формам, которые совсем условно можно назвать лилиевско-дебеляновскими» [3, с. 145], не можем не считать поистине слишком условным, по крайней мере, в отношении рифмовки – точных рифм в поэзии Дебелянова на 37% больше, чем в поэзии Матева. Неубедительной ввиду полученных статистических данных следует признать и точку зрения Б. Нонева о том, что Павел Матев «привязан к полнозвучию, завершающему строку, и предпочитает рифмовать *народ с плод, дете с расте* или *вода со звезда*» [8, с. 204]. Достаточно вслушаться в созвучия *ерес – герест, прѡсти – апостол, съблазни – празник, смълчани – кардиограми, превратност – август, безлични – първичност, тича – лютиче*, чтобы осознать взгляд поэта на мелодическую линию рифмы: «Я не стремлюсь к напевности – я ищу музыку» [6, с. 361]. И это творческое кредо выражается в употреблении неполных созвучий, посредством которых Павел Матев расширяет свой рифменный репертуар.

О стилеобразующей роли неточных рифм в лирике поэта свидетельствуют и стихи, в которых Павел Матев как будто целенаправленно избегает точных созвучий. Рассмотрим несколько примеров:

*Забравени във музика слова.
Безгласни и отминали. Далечни.
Ако ги помня – помня ги едва.*

Но не ги пиша. Не ги чувам вече.

В указанной строфе было бы достаточно прилагательное *далечни* заменить наречием *далече*, чтобы добиться точной рифмы, не нанося существенный ущерб содержанию. Ср.:

*Забравени във музика слова.
Безгласни и отминали далече.
Ако ги помня – помня ги едва.
Но не ги пиша. Не ги чувам вече.*

Из стихотворения «Закана»,
сб. «Повикан от щастливи бездни» (1981)

Вряд ли эпитет *планетните сприи* потеряет свою образную масштабность, если заменить в следующей строфе множественное число существительного единственным:

*В един ъгъл –
относително тих –
под гърма на **планетните сприи**,
аз отворно пред тебе реших
своята мъчна любов да **открива**.*

*В един ъгъл –
относително тих –
под гърма на **планетната сприя**,
повторно пред тебе реших
своята мъчна любов да **открива**.*

Из стихотворението «Ведин един ъгъл...»,
сб. «Чайките почиват на вълните» (1965)

Подобные случаи рифмовки иллюстрируют пиетет Павла Матева к неточным и приблизительным созвучиям. Не случайно в беседе с В. Георгиевой поэт делился: «Смотрите, какая красивая рифма получается из слов *дълъг – гълъб*. Я никогда не допускал, что может выйти такая красивая полная рифма» [2, с. 161]. Эти слова только подтверждают наше мнение о том, что «небрежность к рифмам» [9, с. 150] в ранний период творчества Матева не следует считать временным явлением, ее не надо приписывать неокрепости таланта или выдавать за недостаток. На наш взгляд, это важная особенность индивидуального стиля поэта, которая

поступательно совершенствовалась в процессе его творческого созревания и посредством которой он шел по пути к расширению содержательного объема стихотворной строки.

Высказанная выше точка зрения поддерживается еще одним источником обогащения рифменного репертуара Павла Матева – это употребление собственных имен существительных в рифменной позиции. По данным исследуемого нами массива (1273 рифменные пары), в 24 из них ($\approx 1,9\%$) в качестве рифменного компонента присутствует собственное существительное имя. Из указанных 24 пар двукратно употребляются всего лишь три: *Марица – птица*, *България – пожарите* и *утеха – Чехов*. Название реки Марицы, неразрывно связанной с детством и юностью Павла Матева, следует признать самым частотным собственным именем – оно употребляется в рифменной позиции 5 раз в парах: *Марица – елица*, *Марица – птица* (2 раза), *Марица – птици*, *Марица – птиците*. Среди топонимов, которым поэт отдает предпочтение, следует упомянуть также *България* (наряду с двукратно употребленной парой *България – пожарите* отметим также пару *България – догара*) и *Балкана*: *Балкана – голяма*, *Балкан – ням*. Поэт находчиво встраивает в рифменные пары и свои имена:

*Ето, гледаш ли дивата
круша?
Да отидем до нея, ела!
Е-ех, Павлуша, Павлуша,
твойта люлчица тя залюля.*

Из стихотворения «Пътник»,
сб. «Човешка тревога»
(1960)

*И на прости жестове богати,
откровени като детски свят –
те ми казват Павел, а не Матев,
виждайки във мене своя брат.*

Из стихотворения
«Де е тя – голямата утеха...»,
сб. «Неоскърбени светове»
(1969)

*Какво от она ранен шум
остава,
останаха ли няколко
слова?*

*Евангелското кратко
име Павел
ще чезне под забравена
трева...*

Из стихотворения
«Надежда»,
сб. «Когато птиците
летят по-бавно» (1979)

В рифменной позиции Павел Матев употребляет также имена библейских и исторических личностей (*Исус – пруст*, *Момчил – мълчи*, *Шшиман – ням*, *Ботев – рота*), имена болгарского культурного горизонта (*Лора – говор*), композиторов, поэтов и писателей (*Чехов – утеха*, *Хайне – нехаем*, *Шопен – ден*, *Бетховен –*

отново). И здесь четко проступает влечение Павла Матева к неполным созвучиям, выраженным посредством антропонимических рифменных пар, концентрация которых в отдельных строфах неожиданно возрастает:

*Но във очакван дисонанс
на този размисъл отровен,
сред паузите на **Бетховен**
дочувам шепота на **Брамс**.*

Из стихотворения «Нима преваля моят ден...»
сб. «Внезапни паузи» (1976)

Выше мы рассмотрели рифму Павла Матева, объединяя параметры «характер созвучий» и «место ударения в рифмующих словах» по типологии М.Л. Гаспарова. Для нас, однако, не менее важен вопрос о том, как в лирических текстах сочетаются рифмы только по признаку «место ударения». Напомним, что в зависимости от места ударения выделяются рифмы мужские – с ударением на последнем слоге рифмующих слов, женские – с ударением на предпоследнем слоге рифмующих слов, дактилические – с ударением на третьем от конца слоге рифмующих слов, гипердактилические – с ударением на четвертом от конца слоге рифмующих слов, ассиметричные (клаузульно-разнородные) – с несовпадающим местом ударения от конца рифмующих слов. Наблюдения над анализируемым корпусом произведений Павла Матева по данному параметру показывают, что доля стихотворений, в которых без отклонений чередуются женские рифмы с мужскими, составляет 31,7%, доля стихотворений, в которых без отклонений чередуются мужские рифмы с женскими, составляет 24,2%, только в женских рифмах без отклонений написаны 2,5% стихотворений, только в мужских рифмах без отклонений написаны 0,8% стихотворений, а доля стихотворений, в которых закономерно чередуются строфы с мужскими и женскими со строфами с женскими и мужскими рифмами, составляет 0,8%. Закономерное чередование мужских и женских рифм нарушается употреблением дактилических клаузул в 35,8% стихотворений, тогда как последовательное употребление женских рифм

прерывается дактилическими «вкраплениями» в 4,2% стихотворений. Более обобщенная интерпретация приведенных выше данных обнаруживает следующую картину: в 60% стихотворений не наблюдается случайных отклонений от использованной в них рифменной модели, тогда как в 40% стихотворений рифменная модель нарушается по крайней мере один раз. Иными словами, в отличие от рассмотренных выше параметров, здесь не намечается тенденция к поиску ранообразия, автор чаще всего придерживается воспринятых в болгарском поэтическом узусе моделей (в 56% анализируемых стихотворений женские рифмы чередуются с мужскими или наоборот).

Количественный анализ рифм по параметру «позиция рифмующих стихов в строфе», на базе которого различают рифмы смежные (аабб), перекрестные (абаб) и охватные (абба), дает сходные результаты. Перекрестной рифмой написаны 84% стихотворений, в 3,4% стихотворений закономерно чередуются смежные и охватные рифмы, только смежной рифмой написаны 0,8% стихотворений, тогда как в 11,8% анализируемых поэтических текстов наблюдается незакономерное смешивание различных позиционных моделей. Очевиден тот факт, что Павел Матев предпочитает перекрестную рифмовку другим позиционным моделям. С другой стороны, нельзя не заметить большую амплитуду между стихотворениями со смежной и охватной рифмовкой и теми, которые обнаруживают незакономерные отклонения от воспринятой позиционной модели.

Наблюдаемая асимметрия между результатами анализа рифмы Павла Матева по разным параметрам, на наш взгляд, имеет прямое отношение к вопросу об индивидуальном стиле поэта, а также к вопросу о форме и содержании в его поэзии. На базе полученных количественных данных можно заключить, что тенденция к обогащению рифменного репертуара поэта четко связана с теми параметрами, которые стоят ближе к содержательным сторонам поэтического текста. Значительная доля однократно употребленных в рифменной позиции словоформ и уникальных рифменных пар, использование в рифменных парах слов разной частеречной принадлежности и относительно большая активность неточных и

приблизительных рифм – это не только источники незаурядных созвучий, обуславливающих акустическую распознаваемость лирики Павла Матева, но и осознанный шаг к расширению ее понятийного и образного горизонта. Не можем не согласиться с утверждением Д. Колевой о том, что «поэт рассматривает рифму не как внешнее орнаментное средство, а как созвучие, сближающее отдаленные по значению слова, но создающее подчас неожиданную и впечатляющую связь между ними, которая повышает их выразительность. Или можно сказать, что и рифму, как и другие компоненты стиха, поэт рассматривает как содержательное средство» [4, с. 109].

Последние параметры, по которым велся анализ рифмы Павла Матева, наоборот, стоят ближе к форме поэтического текста и едва ли могут обеспечить нужный поэту содержательный прирост. Они, скорее, выполняют ограничительно-организующую функцию. Поэтому здесь Павел Матев не ищет разнообразия, а пользуется теми моделями, которые в наименьшей мере налагают ограничения. В этом заключается ответ на вопрос, почему Павел Матев отдает предпочтение перекрестной рифме с чередованием мужских и женских клаузул – они предоставляют большую содержательную свободу. Выбранную модель поэт относительно часто нарушает тогда, когда содержание не уместается в ее границах.

Предпринятая здесь попытка статистического анализа рифмы Павла Матева – это всего лишь фрагмент целостного описания его идиостиля. Выявленная объективными методами тенденция к поиску более глубокой содержательной перспективы посредством модуляции формальных признаков ожидает своего подтверждения в ходе дальнейших наблюдений над творчеством поэта.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Эволюция русской рифмы. // Избранные труды. Т. III. О стихе. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 297-339.
2. Георгиева В. Павел Матев – литературна анкета. – С.: Български писател, 1985. – 234 с.
3. Данчев П. Съвременни проблеми и автори. – С.: Български писател, 1973. – 224 с.

4. Колева Д. Лириката на Павел Матев. – Велико Търново: Фабер, 2001. – 140 с.
 5. Константинов Г. Моето поколение в литературата. Книга 2. – С.: Български писател, 1970. – 336 с.
 6. Любенов Л. За римата и стиха (Анкета с български поети) // Съвременник. – 1980. – № 3. – С. 361.
 7. Милчаков Я. Стих и поезия. – С.: Народна просвета, 1990. – 119 с.
 8. Нонев Б. Одобрения и несъгласия. – С.: Български писател, 1971. – 288 с.
- Цачев К. Началото на пътя. София: – С.: Български писател, 1980. – 301 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Джинджолия Гигла
доктор филологии, доцент
Западнечешский университет
кафедра русского языка
Чехия, г. Пльзень
e-mail: giglad.17@gmail.com

Dzhindzholia Gigla
associate professor, Ph.D
University of West Bohemia
Department of Russian Language
Czech Republic, Pilsen
e-mail: giglad.17@gmail.com

Г. Джинджолия

ОТЗВУКИ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ¹ (из опыта анализа паремий о любви)

Аннотация. Паремии отражают миропонимание и мировосприятие народа. Автор статьи стремится показать, что образные ассоциации любви в паремиях сохраняют отзвуки народных традиций, религиозных и мифологических представлений – наследие разной степени глубины древности.

Любовь в паремиях ассоциируется с «чистыми» и «нечистыми» животными (*лебедь, сова, кукушка* и др.) и описывается через растительные образы (*дуб, грибы, ягода, малина* и др.). Она наделяется зрительными и вкусовыми «регистрами» восприятия. «Регистра» запахов для осмысления любви в паремиях не существует.

Любовь рассматривается в «призме» различных ритуальных действий, например, смотрины невесты, венчание и др.

Ключевые слова: паремия, образ, метафора, концепт, концептуализация.

G. Dzhindzholia
**ECHOES OF TRADITIONAL FOLK CONCEPTS
IN RUSSIAN PAROEMIAS
(based on the analysis of paroemias about love)**

¹ Предлагаемая статья написана на основе ранее опубликованных нами тезисов [Джинджолия 2018], в которые внесены существенные дополнения и изменения.

Abstract. Proverbs reflect the understanding and perception of the world by a people. The author of the article aims to demonstrate that figurative associations of love in proverbs preserve the echoes of folk traditions, religious and mythological concepts — the heritage of antiquity of different levels.

Love in proverbs is associated with 'pure' and 'impure' animals (*swan, owl, cuckoo and others*) and is described through vegetative images (*oak, mushrooms, berry, raspberry etc.*). It has visual and gustatory 'registers' of perception. The 'register' of odour for understanding love does not exist in proverbs.

Love is viewed through the 'prism' of different ritual actions, for example, the inspection of a prospective bride, wedding and others.

Key words: proverb, image, metaphor, concept, conceptualisation.

Любовь относится к числу ключевых понятий русской культуры. Понятие *любви* рассматривается в фундаментальных работах Ю.С. Степанова [Степанов 1997], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], Ю.Д. Апресяна [Апресян 2002], Ю.Д. Апресяна и В.Ю. Апресяна [Апресян Ю.Д., Апресяна В.Ю. 1993], С.М. Толстой [Толстая 2012], А.Д. Шмелева [Шмелев 2002], Анны А. Зализняк [Зализняк 2005; Зализняк 2007], Г.Н. Складневской [Складневская 2013], С.Г. Воркачевы [Воркачев 1995; Воркачев 2007], Т.И. Вендиной [Вендина 2007] и др.

Существуют различные направления исследований: *любовь* как «константа» культуры [21, с.279–303]; толкование эмоциональных концептов [4, 411]; метафора в семантическом представлении эмоций [2, 27–35]; *любить, обожать* [1, с. 522–526]; лексическое и семантическое наполнение «сферы любви» в славянских языках [23, с.587–597]; *любовь* и *счастье* в русской языковой картине мира [26, с.170–180]; *любовь* и *сочувствие* [15, с. 205–226; 226–238]; *любовь* и *сочувствие* в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» [14, с.431–437]; концепт *любви* в христианском понимании [7, с.104–112]; национально-культурная специфика концепта *любви* в русской и испанской паремииологии [7, с.124–140]; понятийная, метафорически-образная и значимостная составляющие семантики концепта *любовь* [7]; концепт *любви* сквозь призму старославянского, русского книжного (церковнославянского) и современного русского языков [5, с.219–270]; концепт *любовь* в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале) [19, с.472–490]; концепты

любовь и *ненависть* в русском и американском языковом сознаниях [3, с.22]; лингвокультурологическая специфика понятия *любовь* (на материале русского и немецкого языков) [6, с.24]; фразеологизмы со значением *любви* в русском и английском языках [18, с.24]; концепт *любовь* в идиостиле А.С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык) [25, с.22] и др.

Цель статьи – изучение традиционных народных представлений о любви в русских поговорках. Материал исследования – более 500 единиц, отобранных из «Пословиц и поговорок русского народа» [11, с.544] и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [11].

В основе концептуализации эмоций лежит «единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению, тому, что может наблюдаться более непосредственно» [2, с. 33]. Непосредственно наблюдаемое оказывается ключом к тому, что происходит в душе человека [2, с. 33].

Принцип «визуализации» непосредственно ненаблюдаемого является базой, основой для концептуализации *любви* в русских поговорках. Они не только образно описывают *любовь*, но и принимают на себя функцию кода культуры.

Мы стремились показать, как это происходит, каким образом *любовь* наделяется признаками, которые служат ключом к ее пониманию в народной культуре. *Любовь* в русских поговорках осмысливается через зрительные, вкусовые, зоонимические, пищевые, растительные и другие образные ассоциации, которые имеют разную степень глубины древности. Можно сказать, что *любовь* в поговорках и пословицах «**зрительно ориентирована**». Характерно уподобление *любовь* – *глаза, очи, зрение*. Глаза наделяются способностью «зачинать», зарождают «сердечную привязанность», которая не «поддается контролю»: *Любовь начинается с глаз; Глазами влюбляются; Темны ноченьки, да светлы оченьки; Горе мне с вами, с карими очами; С больного места не сходит рука, а с любимого – глаза.*

Обращает на себя внимание зависимость зрительного восприятия от участников ситуации. Ситуация может описываться как с точки зрения женщины, так и с точки зрения мужчины:

- 1) *Речисты у милого глаза;*
- 2) *Глаза (милого) говорят;*
- 3) *Не пил бы, не ел, все б на милую глядел;*
- 4) *Он на нее не наглядится;*
- 5) *Она им не надышится.*

Женщины и мужчины по-разному воспринимают друг друга. Женщина в *милом* выделяет глаза, которые являются для нее выражением «скрытых смыслов» и «намек» (*примеры 1 и 2*). Мужчина не видит «намесков» и не замечает «деталей». Он испытывает «зрительное притяжение» к *милой*, которое сильнее жизненно важных потребностей (*примеры 3 и 4*). Такое «притяжение» может сопровождаться изменением его внутреннего состояния (*сам не свой стал, голова вкруг пошла*): *Как увидел, так сам не свой стал; Как увидел, так голова вкруг пошла.*

Глаголы зрительного восприятия *поглядывай, взглядывай* могут иметь значение «беспокоиться, заботиться, опекать; относиться с сердцем»: *Жена, ты любить не люби, а поглядывай; Хоть не люби, только почаще взглядывай* (т. е. угождай, служи); *Любить хоть не люби, да почаще взглядывай*. Мотив заботы и опеки, по словам С.М. Толстой, связан с акциональным компонентом любви, т. е. предполагает «определенное поведение по отношению к объекту любви – внимание» [23, с.591–592].

Зрение имеет глубокую внутреннюю связь с сердцем: *Куда сердце летит, туда око бежит*. По словам П. Флоренского, сердце помогает увидеть Бога, принять и почувствовать Его [22]. Любовь понимается как Бог, уподобляется свету и сиянию: *Любовь – Бог; Где любовь, там и Бог; Любовь – свет; Где любовь, там и свет*. Такое понимание любви восходит к христианской традиции [23, с.593–594]. Божья любовь противопоставляется человеческой: *Божья любовь безгранична; Божья любовь не человеческой чета; Любовь человеческая себя любит, а Божеская друга.*

Зрительным ассоциациям любви противопоставляются ассоциации, связанные со слепотой и отсутствием органа зрения. В одних контекстах слепота означает «неспособность замечать недостатки любимого/любимой» (*Любовь слепа; Любовь ни зги не видит; Любовь может и слепа быть – черное за белое почитает*), в других (весьма ограниченных) – «способность» «не замечать недостатки» (*У доброй девки ни ушей, ни глаз*), терпимое отношение к слабостям и недостаткам.

Любовь имеет «вкусовые регистры» осмысления:

1. *Женатого целовать не сладко;*
2. *С любимой целоваться, что медом упиваться;*
3. **Несолоно** хлебать, что немилото целовать;
4. **Несолоно** есть, что с немилым целоваться.

Сладкое и *соленое* оцениваются как положительные качества (примеры 1 и 2) и противопоставляются «неприятным» вкусам – *несладкому, пресному, безвкусному* (примеры 3 и 4). Через вкусовые образы, относящиеся к сфере любви, утверждаются этические заповеди, предписания и установки со знаком плюс и знаком минус.

Связь со *сладким* не случайна. *Сладость* – весьма позитивное качество, которое в народной культуре приписывается самым различным реалиям [17, с.66-77]. *Сладкое* выступает как символ добрых отношений в семье, согласия, любви и счастливого брака [9, с.715]. «В свадебном обряде сладкое присутствует уже начиная со сватовства. Так, в Амурской области сваты, отправляясь сватать невесту, *идут на сахар* – несут сладкое, мед, сахар в качестве угощения для невесты и ее подруг. У болгар Пиринского края в день оповещения о помолвке невеста угощала всех сахаром, присланным ей до этого женихом. У русских жених привозил невесте и ее подругам различные сладости (пряники, конфеты и т. п.) в качестве гостинцев на смотрины и обручение, но чаще в качестве предсвадебного сговора, особенно в канун или в день свадьбы» [9, 713]. По мнению Г.И. Кабаковой, «сладкое соотносится преимущественно с женским началом и имеет эротическую коннотацию, а одаривание сладким имеет существенное значение в процессе сближения полов» [17, с.66-77].

В корпусе пословиц и поговорок, воплощающих понятие *любви*, нет единиц, непосредственно связанных с семантикой *горького* и *кислого*, хотя такая семантика, как показали А.В. Гура и Г.И. Кабакова, широко распространена в качестве вкусового кода в языке и культуре, в том числе в паремиях и свадебном обряде [10, 17].

Продуктивным способом осмысления *любви* является ее «опредмечивание», **наделение свойствами предметов**. К предметам, которые фигурируют в пословицах и поговорках, относятся различные украшения, предметы одежды, сельскохозяйственные орудия и др.: *сережки, рубашка, однорядка* (старинная русская мужская одежда: однобортный кафтан без воротника), *бусы, ожерелье, кольцо, плуг, камень, платок, замо́к, запор* и др. Предметы наделяются символическим значением, т. е. «из всего набора свойств, признаков реалии (предмета, действия) выбирается один признак, и он становится доминирующим и как бы подавляет все остальные», «становится символом чего-то, некоторого смысла» [23, с.364]. Так, форма кольца становится символом бесконечности: *Любовь – кольцо, а у кольца нет конца*. Символизируются признаки «то, что придает красивый вид» и «ценный», свойственные украшениям: *Смиренье – девичье ожерелье; Девичье терпение – жемчужное ожерелье; Для милого дружка и сережку из ушка; Хороши марьяны (бусы), да девки не скрасят*. Доминирующим признаком может быть назначение предмета (*платок*): *Батюшка покров, покрой землю снежком, меня молодцу платком (женишником)*. В случае *плуга* таким признаком является «такой, который не устаёт что-то делать»: *Новый друг, что неустанный плуг*. Механизм «опредмечивания» оценочен: *Мое сердце в тебе, а твое в камени; Замо́к да запор девки не удержат*.

Любовь концептуализируется через **зоонимические образы**. Пословицы и поговорки «перенаселены» животными, птицами, насекомыми и рыбами. Наиболее характерные ассоциации – *телята* (влюбленные), *агнец, лебедь, утица (уточка), пчела, райская птица, горлица, сокол, пава*, а также *курица, кочет, коза, козел, кукушка, сова, «тарань-рыба»* и др.

«Чистые» животные и птицы, к которым относятся *агнец*, *голубь*, *горлица*, *соловей*, *лебедь*, *пава* и *павлин*, *утица* и др., являются воплощением кротости, верности и красоты и противопоставляются зловещим птицам – *сове*, *кукушке*, «нечистым» животным – *козе*, *козлу* [10, с.612] или такому опасному животному, к которому относится *волк*.

Наиболее почитаемые животные и птицы: *Смиренная*, как *агнец*; *делова*, что *пчела*; *красна*, что *райская птица*; *верна*, что *горлица*; *Идет*, словно *павушка* плывет; *Грудь лебедина*, походка *павлина*, *очи соколы*, *брови соболю*; *Серая утица* – охота моя, *красна девица* – *заснобушка* моя; *Ты, голубка*, не сдавайся, *правым крылышком отбивайся*; Как *телята*: где сойдутся, там и *лижутся*; *Уточки серые*, *девушки сенные*, *жучки в епанечках*.

«Нечистым» животным (*коза*, *козел*) могут уподобляться «девка» и *парень*: *Где козы во дворе*, там *козел* без зову в *гостях*; *Коза во дворе*, так *козел* через *тын* *глядит*; *Пора козу на торг вести* (пора девке замуж); *Все, как козы*, *вверх* (через *тын*) *глядят*; *Лакома овца к соли*, *коза к воле*, а *девушка к новой любви*; *Девки не люди*, *козы не скотина*.

Парень иногда ассоциируется с *волком*, а «девка» – с «*теля*»: *Мило волку теля*, да где ж его *взять*?

Пословицы и поговорки отражают негативную оценочность, которая закреплена за «нечистыми» птицами в народной культуре: *Как кукушка*, по чужим *гнездам летает*; *Полюбится сова* *лучше ясного сокола*. Как показал А.В. Гура, эти птицы в народной культуре наделяются признаком одиночества (безбрачия) [10, с. 586–589]. *Сова* – зловещая птица, которая «своим появлением возле дома предвещает смерть» (или несчастье) [10, с.586– 589].

«*Засидевшаяся в девках*» или «*костлявая девка*» ассоциируются с «нечистыми» и «непривлекательными» животными: *В девках засиделась*, так на том свете *козлов паси*; *Костлявая девка* – *тарань-рыба*.

Пение петуха толкуется к рождению ребенка: *Поет кочеток*, *весть подает про милый животок*. Через образы *петуха* и *курицы* утверждается необходимость сохранения сложившихся норм

свадебного ритуала: *Девка не курица, а парень не кочет, не жениться им, где кто захочет.*

Любовь осмысливается через **пищевые ассоциации** (продукты питания, напитки, кушанья, приготовление и потребление пищи) («хлеб с водою», «рыба с перцем», вино, брага, пиво и др.): *Хлеб с водою, зато милый с тобою; Паранюшка сердце, вари рыбу с перцем; Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу; Пить пива – не беда, а любить девку – нет вреда; Не наестся куском, не нажиться (не натешиться) с дружкой; Не приестся хороший кусок, не прискучит хороший дружок; Ешь с голоду, люби с молоду.*

Любовь рассматривается в «призме» действий обычно ритуального характера, например, смотрины невесты и др. В пословице как малом фольклорном жанре происходит «сжатие» действия. Например, пословица *Жених на двор, а пальцы на стол* описывает ситуацию смотрин невесты в ее доме. Невеста должна положить на стол приспособление для вышивания (*пальцы*) или что-либо другое, что покажет ее хорошей хозяйкой и мастерицей. На действия подобного рода нацеливает и пословица *Заневестилась дочь, так росписи готовь*. Надо приготовить *росписи*, выполненные рукой девушки, чтобы во время смотрин «стимулировать» предсвадебный стговор.

Символическое значение имеют действия, направленные на сохранение женской чести: *Держи девку в кувшине, а выглянет, так пестом; Держи деньги в темноте, а девку в тесноте.*

Актуализируются действия, относящиеся к гаданию, к идее брака и венчания: *Ей бы перед зеркальцем погадать (пора замуж); Суженый, ряженный, дай на себя поглядеть.*

Любовь рассматривается через мужские действия насильственного характера и состояние женщины, которая подверглась таким действиям: *Милый ударит – тела прибавит; Милый поьет, только потешит; Милого побои недолго болят; Милого побои не на кости; Любит, как душу, а трясет, как грушу.* Возможны действия «насильственного» характера со стороны женщины: *Девка парня извела под свой норев.*

Любовь описывается через **растительные образы** (дуб, цветы, трава, грибы, ягоды, малина и др.): *Без тебя не цветно цветы растут, не красно дубы растут в дубравушке; Из милости ступает, травы не мнет; ненароком взглянет, что рублем подарит; С кем по грибки, с тем и по ягодки; Цвели цветки, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул; Марина не малина, в одно лето не опадет; Красная моя ягодка, яблочко наливчатое; Хмелинушка тычинки ищет, а девица парня.*

Характерно **уподобление болезненному состоянию человека**, его самочувствию, симптомам болезни (*тошнота, головокружение, зубная боль, сухота*): *Ох охонюшки, тошно без Афонюшки; Тошно тому, кто постыл кому, тошнее тому, кто мил кому; Вместе скучно, а розно тошно; Нет тяжелее на свете – зубной болести да девичьей сухоты; Милый не злодей, а иссушил до костей; Навела девка сухоту.*

Реакция сердца, души на любовь очень сходна с реакцией тела на тепло: *Ум истинною просветляется, сердце любовью согревается; Теплое сердечко – ласковое словечко.* Тепло является сигналом, знаком, показателем любви, ее атрибутом. Отсутствие любимой/любимого ассоциируется с холодом: *Без тебя, мой друг, постеля холодна, одеяло заиндевело; Без любимого и мир постыл.*

Пословицы и поговорки, в основе которых лежит признак «тепло-холод», могут состоять из двух частей – «события» и «прогноза». По языковому оформлению такие единицы приближаются к народным приметам: *Тепла рука у милого, так любит. Тепла рука милого – «событие», любит – «прогноз».*

Любовь ассоциируется с речью, мышлением, памятью: *Взглянет, что огнем опалит, а слово молвит, рублем подарит; Одна думка, одно и сердце; Люби да помни; Он с нею и себя не помнит (и нас не поминает); Старая любовь долго помнится.* В ассоциациях, связанных с пониманием и знанием, «парень» проявляет себя в одних отношениях, а «девка» – в других: *У парня догадка, у девки смысл; Девка ничего не знает, а все разумеет; Девка – немка: говорить не умет, а все разумеет; Что девушка не знает, то ее и красит.*

Одни и те же признаки выражаются то предметно, то «акционально», то посредством зрительных, вкусовых и др. образов. Так, семантика чистоты, непорочности, девичьей чести формируется разными средствами: *И рада б идти (замуж), да зад в дегтю; Распишу тебе ворота дегтем; Девка хороша, да слава не хороша; Девушка не травка, не вырастет без славки; Тонкую нитку ведет, да худую славу кладет; Собака гуляла, да хвост подгуляла; Отец был Флора, а детки Миронычи; Коза во дворе, так козел через тын глядит; Где козы во дворе, там козел без зову в гостях; Парню другое дело. На парне все та же шапка; Хорош соболек, да измят. Береги до венца; Бабьему хвосту нет посту; У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост.*

Разными средствами утверждается ценностный характер любви (*Деньги прах, одежда тоже, а любовь всего дороже; Нет ценности супротив любви*), жертвенность, готовность прощать, терпение, смирение (*Для милого и себя не жалко; За милого и на себя не поступлюсь; Оттого терплю, что больше всех люблю; Смиренье – девичье ожерелье; Девичье терпенье жемчужно ожерелье*).

Подведем итоги.

Любовь в паремиях концептуализируется через различные «способы окольного выражения» [11, с. 7] – зрительные, вкусовые, зоонимические, пищевые, растительные и другие образы, которые являются ключом к ее пониманию в народной культуре.

Зрительные и вкусовые «регистры» восприятия, которыми наделяется *любовь*, доминируют над слуховыми. «Регистра» запахов для осмысления *любви* в пословицах и поговорках не существует.

Зрение – главный ориентир человека в любви. Женщина в глазах *милого* видит выражение «скрытых смыслов» и «намека» (*Речисты у милого глаза*). Мужчина не видит «намеков» и не замечает «деталей».

«Вкусовая» концептуализация *любви* имеет два полюса: семантический плюс (*сладкое* и *соленое*) и семантический минус (*несладкое, пресное, безвкусное*). Семантика *горького* и *кислого* не

характерна, хотя такая семантика широко распространена в качестве вкусового кода в народной культуре [9, 17].

Продуктивным способом осмысления *любви* является ее «опредмечивание». *Любовь* наделяется признаками, которые свойственны украшениям, предметам одежды, сельскохозяйственным орудиям и т. д. Механизм «опредмечивания» предельно оценочен (*Мое сердце в тебе, а твое в камени; Смиренье – девичье ожерелье*).

Для зоонимического кода существенное значение имеет противопоставление «чистых» животных и птиц (*агнец, голубь, горлица, лебедь, пава* и др.) зловещим птицам (*сова, кукушка*) и нечистым животным (*коза, козел*).

Любовь рассматривается «акционально» – в «призме» действий обычно ритуального характера; например, смотрины невесты, сватовство, венчание и др.: *Жених на двор, а пяльцы на стол; Заневестилась дочь, так росписи готовь*.

Одни и те же признаки выражаются то предметно, то «акционально», то посредством зрительных, вкусовых, зоонимических и др. образов (например, ценностный характер *любви*, жертвенность, смирение, сострадание, жалость и др.).

Любовь осмысливается через оппозиции *зрение – слепота, сладкий – несладкий (пресный), чистый – нечистый, тепло – холод, честь (девичья) – бесчестье, моральный – аморальный, здоровье – болезнь, любовь – нелюбовь* и др., посредством которых утверждаются нравственные ценности и установки.

Семантические признаки, которыми наделяется *любовь* в паремиях, складываются в единую систему взглядов и представлений, в языковую картину мира.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Любить, обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций. – Вопросы языкознания, 1993, №3.
3. Балашова Е.Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2004.

4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русское слово, 1996.
5. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007.
6. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
7. Воркачев С.Г. «Любовь» как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007.
8. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки, 1995, №3.
9. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика. – М.: Индрик, 2011.
10. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997.
11. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – СПб.: Диамант, 1997, с. 544
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.4 . СПб.: Русский язык, 1996.
13. Джинджолия Г. Коды культуры во фразеологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: Сочинский гос. ун-т, 2018, №23.
14. Зализняк Анна А. *Любовь и сочувствие* в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» // Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. – М.: Языки славянской культуры, 2013.
15. Зализняк Анна А. *Любовь и сочувствие*: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
16. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. «*С любимыми не расставайтесь*» // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
17. Кабакова Г.И. О сладких поцелуях и горьких слезах // Тело в русской культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
18. Лепихина Л.Н. Фразеологизмы со значением *любви* в русском и английском языках. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2009.
19. Седакова И.А. Концепт «*любовь*» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале) // Славянское

- языкознание. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018.
20. Складарская Г.Н. Концепт «*любовь*» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2013.
 21. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
 22. Толстая С.М. Семантические категории языка и культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: URSS, 2010.
 23. Толстая С.М. Лики *любви* в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. – М.: Языки славянской культуры, 2012.
 24. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. В 2 ч. – М.: Правда, 1990.
 25. Широкова И.А. Эмоциональный концепт «*любовь*» в идиостиле А.С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тюмень, 2006.
 26. Шмелев А.Д. *Любовь и счастье* // Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Пенчева Антония Иванова
доктор филологии, доцент
Университет национальной и мировой
экономики
Болгария, г. София
antonia_pencheva@unwe.bg

Pencheva Antonia Ivanova
Associate professor, PhD
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
antonia_pencheva@unwe.bg

А. И. Пенчева

АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ С НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ «ЛАВР» ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам перевода лексики с национально-культурным компонентом. На материале перевода романа Евгения Водолазкина «Лавр» проанализировано влияние культурологических факторов на процесс перевода, рассмотрены основные подходы к классификации национально-культурно окрашенной лексики, определены трудности перевода лексических единиц с национально-культурным компонентом на примере реалий.

Ключевые слова: *реалии, национально-культурный компонент, перевод, Евгений Водолазкин, роман «Лавр»*

A.I. Pencheva

ASPECTS OF TRANSLATION OF VOCABULARY WITH A NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT IN THE ROMAN "LAURUS" BY EVGENIY VODOLAZKIN INTO BULGARIAN LANGUAGE

Abstract. This article is dedicated to some aspects of translation of vocabulary with a national and cultural component. Based on the translation of Yevgeny Vodolazkin's novel «Laurus», the influence of cultural factors on the translation process is analyzed, the main approaches to the classification of nationally-culturally colored vocabulary are considered, the difficulties of translating lexical units with a national-cultural component are identified using the example of realities.

Keywords: *realia, national-cultural component, translation, Evgeny Vodolazkin, novel «Laurus»*

Общеизвестно, что язык является отражением культуры любого народа и все особенности этнокультуры находят свое отражение в языке. Специфические черты национального быта отражены в культурно-маркированных словах, которые содержат в себе информацию об истории, религии, традициях и обычаях страны.

Вопросы перевода лексики с национально-культурным компонентом принципиально важны для теории и практики перевода и, по словам Рафаэля Гусмана Тирадо, «в силу очевидности особых отношений между культурой и переводом вопрос переводимости лексики с культурным компонентом имеет важное значение для переводоведения и является предметом продолжающихся дебатов в области взаимодействия культуры и перевода. То, что переводится с одного языка на другой, – это текст, который принадлежит к определенной культурной системе и социально-исторической среде, поэтому знакомство с культурными, социальными и историческими реалиями данного языка является необходимым условием для переводчика» [4, с. 474–475].

Перевод культурно-маркированной лексики, в состав которой входят реалии, требует определения способов их перевода, которые помогают сохранить и передать национально-культурную информацию определенной нации. Вопрос о переводе реалий составляет часть большой и важной проблемы передачи национальной картины мира. С теоретической точки зрения эта проблема обсуждается давно многими исследователями перевода, начиная с середины 20-го века. Болгарские теоретики и практики перевода – С. И. Влахов и С. П. Флорин – определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и экономического развития) одного народа и чуждые другому», и отмечают, что реалии не имеют точных соответствий, так как являются носителями национального или исторического колорита [2, с.47]. Предложенная ими подробная классификация видов реалий создана с учетом потребностей переводчиков-практиков и до сих пор остается актуальной. Многие ученые вместо термина «реалии» предпочитают использовать название «безэквивалентная лексика»

(Л. С. Бархударов, А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцар и др.), однако понимают этот термин по-разному: как синоним слову реалия, в широком смысле – как «слова, отсутствующие в иной культуре и ином языке» или как неперебиваемые на другой язык слова. А. О. Иванов определяет безэквивалентную лексику как «лексические единицы, которые не имеют в словарном составе языка перевода эквивалентов, то есть единицы, при помощи которых можно на аналогичном уровне плана выражения передать все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной лексической единицы» [3, с. 9–10].

Существование реалий отражает несоответствия в языке оригинала и языке перевода как на уровне лингвистического, так и культурного кодов, поэтому большое внимание уделяется культурологическим аспектам перевода.

Целью данного исследования является анализ переводческих решений при передаче реалий в романе «Лавр» на болгарский язык с точки зрения сохранения и передачи национально-культурного своеобразия, колорита и исторического контекста. В статье мы будем придеживаться классификации реалий, предложенной С. Влаховым и С. Флорином.

Лексика с национально-культурным компонентом может выступать важной составляющей образности текста, способствовать его эмоционально-экспрессивной окраске, создавать этническую картину мира и подчеркивать национальный колорит. Употребление реалий не может быть оторвано от их стилистического окружения и функции, которую они выполняют в тексте, создавая атмосферу художественного произведения. Выбор способов передачи реалий переводчиком продиктован стремлением к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу и задачей передать национальное своеобразие подлинника, его особую окраску, связанную с культурной средой, в которой он создан. Эта задача предъявляет к переводчику высокие требования, и в свете этого экстралингвистические знания переводчика не менее важны, чем просто знание исходного языка.

Переводческой работе предшествует переводческий анализ. При анализе реалий согласно классификации С. Влахова и С. Флорина по семантическому признаку было выделено несколько групп.

Для романа, действие которого происходит в Средневековье, вполне закономерно то, что группа «*Этнографические реалии*» наиболее многочисленная. В романе содержится множество этнографических реалий, связанные с бытом, трудом, а также слова, выражающие меры и деньги. К подгруппе «*бытовые реалии*» относятся слова, описывающие посуду (*ковши-лебедь, туес*), одежду (*рубаха, порты*), обувь (*лапти*), пищу (*калач*), жилье (*изба, сарай, княжеские покои; конек крыши, оконные наличники*), мебель (*полавочник, лавка*), транспорт (*сани, телега*) и прочие (*колодец-журавль, береста, полуденежный*). Употребление таких реалий воссоздает национальный колорит и дух времени. В произведении есть еще и *исторические реалии*, поскольку они связаны со временем действия повествования. Следовательно, переводчику следовало решить вопрос, каким образом наряду с семантикой реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску.

Для решения этой задачи, предпринимались различные приемы. Описательным переводом передавались некоторые типичные для русского быта и дома словосочетания:

<i>Топили они, ...,по-черному...</i>	<i>Отопляваха се, ..., с печка без комин...</i>
<i>оконные наличники</i>	<i>дървени орнаменти по рамките на прозорците</i>
<i>колодец-журавль</i>	<i>геран, който приличаше на жерав</i>
<i>Он отпил из ковша-лебеда.</i>	<i>Той отпи вода от черпака с форма на лебед</i>
<i>туго сплетенный туес</i>	<i>стегнато плетения брезов съд</i>

Специфические виды одежды *рубаха, порты* переводились методом генерализации: *риза, панталони*. Это, к сожалению,

приводило к нейтрализации реалии и потери национального колорита.

Часть реалий, характерных для русского быта, вошли в болгарский язык и употребляются регулярно, поэтому не нуждаются в переводе: *лапти, кафтан*.

Калачник – типичное для средних веков занятие мастера приготовления хлеба и его продажи – переводился как *пекар, майстор на краваи, търговец на краваи*, а сам *калач* – схожим по звучанию и эквивалентным по семантике словом *кравай*.

Для довольно часто встречающегося слова *лавка* в переводе использованы более нейтральные слова *нар* (когда речь идет об убранстве дома Христофора) и *пейка* (на кладбище). В болгарском языке есть эквивалентно слово *одър*, но оно не представляется удачным, т.к. это слишком национальная по колориту болгарская реалия.

Довольно часто употребляющееся в романе слово *изба́*, означающее деревянный дом, в болгарском языке имеет ложный эквивалент – совпадающее по звучанию слово *изба* (подвал). Для перевода этого слова использован прием генерализации с пояснением (*дървена къща* или *дървена къщичка*).

Устаревшее слово *корабельщик* передано в переводе таким же устаревшим и редко встречающимся словом-эквивалентом *гемиджия*, которое сохраняют колорит.

Отдельным подразделом можно выделить номинации **фитонимов**. В романе одна из ипостасей Арсения – Врач, врачеватель, травник. Умению лечить травами он научился у своего деда. Образы Арсения и Христофора создаются автором в значительной мере благодаря функционированию в тексте множества лекарственных растений, применяемых в народной медицине. Номинации фитонимов зафиксированы в древнерусских Травниках и Лечебниках со своими народными названиями. С точки зрения перевода поиск эквивалентов на переводной язык предстал перед переводчиком большим вызовом. Перевод шел через проверку латинского названия травы и потом поиска его соответствия в болгарском языке, особенно варианты лекарственных трав, используемых в народной медицине. Таким

образом были достоверно переданы на языке перевода названия большинство трав. При этом из возможных несколько названий переводчицей выбирался тот, который создавал бы колорит, а по возможности, звучал бы приблизительно как на языке оригинала: *воронье сало – дебела мара, лас-травя – кукувичи сълзи, осот – кострец, царевы очи – слънчева росица, адамова глава – синьоглавче, стародубка – горицвет, одолень – водни лилии, пострел – съсънка, перенос – ветрогон, плакун – върболист, корень дягиля – корен от ангелика, чернобыль – див пелин, трава попугай – съсънка, вьюн – поветица, цвет проскурника – цвят от просвирняк, настой травы ефилии – настойка от живовляк, куколь – къклица, пырей – пирей, чистяк – жълтурче.*

Для ограниченного числа трав (*ряска, баклан, трава сава, Енох*) не удалось найти никакой информации в сборниках лечебных трав. Тогда переводчик ориентировался по описанию и подыскивал подходящий функциональный аналог (*ряска – синкава люцерна; баклан – жълтурче; ефилия – живовляк*). Всего в двух случаях был использован прием транскрибирования (*трава сава – сава трева, Енох – бялата трева Енох*). В данном случае транскрипция позволяет сохранить национальный колорит без потери смысловой нагрузки.

В целом, номинации фитонимов в переводе на болгарский язык переданы адекватно с сохранением национально-исторического колорита и прагматического воздействия на переводной язык.

В разделе классификации **«Общественно-политическая жизнь»** С. И. Влахов и С. П. Флорин отмечают особо звания и титулы. Специфическими для периода Средневековья в России являются *посадник, сотник* и *тиун*. Для слов *посадник* и *сотник* в болгарском языке можно подобрать соответствующие эквиваленты, сохраняющие исторические реалии – *наместник* и *стотник*. Название же должности княжеского или боярского управляющего хозяйством – *тиун* – поясняется в сноске (Тиун – служител в княжеския двор, управляващ стопанството. – Б. пр.).

В группу **«Общественно-политические реалии»** выявлено всего несколько реалий подгруппы, означающей топонимы (*Рукина*

слободка, хутор). Название *слободка* эксплицировано в сноске пояснением: *Слободка (ост.) – синоним на село в някои части на Русия. – Б. пр.* Слово *хутор* переведено на болгарский язык с помощью приемагенерализации *селцето*. Этот прием встречается в переводах некоторых известных классических произведений. Например, заглавие сборника рассказов *Вечера на хуторе близ Диканки* Н. Гоголя переведено как *Вечери в селцето край Диканка*.

Единица меры *сажень*, употреблявшаяся в России до конца девятнадцатого века, в достаточно большой степени известна болгарскому читателю как мера длины, поэтому в тексте перевода оставлена без пояснения. Иной прием выбрал переводчик со словом *стадий* – эта древнегреческая мера длины поясняется в сноске (*Стадий – древногръцка мярка за дължина. Според Херодот, един стадий се равнява на 600 стъпки. – Б. пр.*).

Говоря о мерах и деньгах, считаем нужным остановиться на переводе описания цены калача – *полуденежный калач. Полушка – половина деньга – полуденежная* – эта денежная единица имела в разные времена в России разную стоимость. Т.к. для романа ее точная стоимость не имеет существенного значения, а играет стилизующую функцию исторического времени, то на болгарский язык удалось ее перевести функциональным аналогом *половин парà*, употреблявшийся в народе и понятный болгарскому читателю.

В романе большое значение имеет употребление библейских и мифологических реалий. Поскольку преимущественно это универсальные реалии, вошедшие широко в культуру разных народов, то многие из них не приходится переводить (*брат, ангел, мытарство, игумен, молитва, покаяние* и пр.). Несмотря на это, существуют слова, формально совпадающие по звучанию, которые не следует передавать дословно, т.к. они являются ложными эквивалентами. Таким словом выступает *старец*, которое в русском языке имеет значение ‘*пожилой монах, отшельник; духовный наставник*’. В болгарском же оно означает прежде всего ‘*пожилой человек*’. Поэтому следовало передать его с дополнительным уточнением, приемом конкретизации – *блажен старец*.

Среди библейских прозвищ в романе упомянуто обращение *авва* (отец). Это арамейское слово. Считается, что на арамейском

языке впервые была произнесена молитва Господу. В Библии это слово встречается в сочетании *Авва, Отче!* По нашему мнению, значение этого слова известно ограниченному кругу читателей, знакомых с Библией, поэтому его значение поясняется переводческим комментарием в сноске (Настоятел на православен манастир в средновековна Русия, игумен, архимандрит. – Б. ред.).

Особое внимание вызывает к себе передача фразеологизмов. Латинское выражение *Deus conservat omnia* по-русски означает *Бог сохраняет всё*, а по-болгарски *Бог спасява всички*. Переводчик в сноске приводит перевод на болгарский язык.

Большая часть фразеологизмов в романе – это разговорные, просторечные или даже обценные выражения. Для каждого из них требовалось найти функциональный аналог – фразеологический эквивалент, для того чтобы передать созданный автором колорит:

Явился не запылился!

Където не го сееш, там никне!

(Выражения раздражения по поводу чьего-либо нежелательного прихода)

Твою дивизию...

Ваш 'та мамица!

Да не парься ты, ё-моё как пить дать

Споко бе, мой човек.

знаю как облупленного

като две и две четири

Колбасит практически

като петте си пръста

Направо откачай.

С. И. Влахов и С. П. Флорин указывают на несколько предпосылок, от которых зависит выбор стратегии переводчика: особенности переводимого текста, место и значимость реалии в контексте, характер самой реалии, а также ее место в лексических системах обоих языков; сами эти языки – их возможности словообразования, языковая и литературная традиции; читатель перевода в сравнении с читателем подлинника [2, с. 90].

Главным и определяющим условием сохранения национального колорита в переводе являются правильно выбранные переводческие стратегии, позволяющие передать на переводящем языке национальный характер, склад мышления, быт, нравы и

традиции народа. Все эти факторы накладывают свой отпечаток на специфику выбора образных средств языка.

Библиографический список:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М., 2015. – 240 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: Учебное пособие. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 192 с.
4. Rafael Guzmán Tirado. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // Russian Journal of Linguistics, 2019, 23 (2). С. 473–486.
5. Флорин С. Муки переводческие. – М. Высшая школа, 1983. – 184 с.
6. Явари Ю. В. Особенности передачи реалий в переводе. // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2016. Выпуск 2. С. 133–140. URL:
https://elibrary.ru/download/elibrary_26341570_27697274.pdf

Дутбаева Сауле Сергеевна,
доктор филологии, профессор
Атырауский государственный
университет
имени Халела Досмухамедова
Атырау, Казахстан
saule_sergo@mail.ru

Dutbaeva Saule Sergoevna
Professor, Ph.D
University of state of Atyrau
Halela Dosmuhamedova
Атырау, Казахстан
Atyrau, Kazakhstan
saule_sergo@mail.ru

Умурзакова Анастасия Жуматовна,
доктор филологии, профессор
Атырауский государственный
университет
имени Халела Досмухамедова
Атырау, Казахстан
anastasiya211153@mail.ru

Umurzakova Anastasia Zumatovna
Professor, Ph.D
University of state of Atyrau
Halela Dosmuhamedova
Атырау, Казахстан
anastasiya211153@mail.ru

С. С. Дутбаева, А. Ж. Умурзакова
**КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАЗАХСКОГО ПОЭТА МАХАМБЕТА
УТЕМИСОВА В ПЕРЕВОДЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. В статье исследуется культурное значение казахских слов-реалий в текстах русских переводов поэтических произведений Махамбета Утемисова. Анализ языковых единиц, обладающих национально – культурной значимостью в художественном тексте позволяет определить степень совпадения языковой картины мира, представленной автором и реконструируемой переводчиком. Сопоставительная характеристика национально-специфических лексем в переводах разных авторов показывает наиболее распространенные приемы перевода, удачные и неудачные способы передачи анализируемых языковых единиц. Обобщенный анализ культурно маркированных единиц в текстах характеризует художественный перевод как средство взаимного диалога между культурами и народами.

Ключевые слова: слова-реалии, художественный текст, перевод, языковая картина мира, национально-культурная значимость.

S. S. Dutbayeva, A. Z. Umurzakova
**Cultural meanings of national realias mentioned within Makhambet
Utemisov's work translated to Russian language**

Abstract. The article discusses cultural meanings of Kazakh word-realias within Russian translations of poetic works of Makhambet Utemisov. The analysis of linguistic units that possess national and cultural significance within literary text allows identification of the level of congruence of lingual environment represented by the author the one reconstructed by an interpreter. Comparative characteristics of nationally specific lexical elements represented by different interpreters shows more abundant styles of translations, both successful and unsuccessful methods of rendering of analyzed lingual units. The general analysis of culturally marked units in texts characterizes artistic interpretations as means of mutual dialogue between traditions and nations.

Keywords: word-realias, literary text, translation, lingual environment, national and cultural significance.

Творчество поэта-воина Махамбета Утемисова занимает особое место в казахской литературе и истории. Это героическая личность – идейный вдохновитель и один из организаторов народного восстания 1836-1838 годов в Западном Казахстане. Поэзия Махамбета отразила не только борьбу за свободу народа, этапы восстания, но и особенности жизни кочевого народа.

«Порождением номадической культуры и номадической картины мира, отличающимся особым способом познания мира, выражающимся осознанием глубокой и гармоничной взаимосвязи мира человека и мира природы, явилось кочевое скотоводство, ставшее основным способом существования тюркских народов, нашедших в результате бесконечных передвижений по Степи свой постоянный жизненный уклад» [3, с. 43-45].

Казахи как кочевой народ с древнейших времен с почтением относились к четырем видам скота: лошадям, верблюдам, овцам и коровам. Для казаха скот во все времена всегда «являлся важнейшим фактором жизненного благополучия. Пищу, одежду, кров, домашнюю утварь, средство передвижения – все это номады имели благодаря домашним животным. По сей день сохранилась фраза приветствия: мал-жан аман ба? – Живы-здоровы ли скотина и родня, т.е. на первое место по значимости ставилось состояние скотины, потому что без нее не было средств к существованию» [6, с. 49].

В произведениях казахского поэта XIX века Махамбета Утемисова использовано множество лексем, связанных с животным миром, свидетельствующих о глубоком знании природы родного края. Исследователями подсчитано, что в 79 стихотворениях Махамбета встречаются 22 наименования животных и 22 наименования птиц. Такие реалии из жизни и быта казахов, как *буыршын, бура, атан, қара нар, бұлан, арлан, құлжа, қасқалдақ* и др., выполняют в поэтическом тексте особую роль.

«Реалии – это понятия, относящиеся к жизни, быту, традициям, истории, материальной и духовной культуре данного народа; слова и выражения, которые настолько неразрывно связаны с одной и только одной культурной средой, что их невозможно описать вербальными и невербальными средствами другой культуры... Элемент в семантической структуре значения слова, сопряженной с культурой, определяется как страноведческий культурный компонент значения слова. Экстралингвистическое содержание значения слова составляет его национально-культурный фон» [7, с. 94-95]. Реалии являются частью фоновых знаний, которая относится к специфическим явлениям иной культуры, иной страны и необходима читателям для того, чтобы без потерь, в деталях усвоить содержание переводимого произведения.

Художественный перевод является средством взаимного диалога между культурами и народами. Воплощение в переводе национально-культурного своеобразия зачастую связано с переводом единиц безэквивалентной этнокультурной лексики. Эквивалентное воспроизведение реалий – одно из главных условий качественного перевода при передаче национального колорита.

Рассмотрим перевод реалий на примере одного произведения Махамбета Утемисова – «Мұнар күн» («Печальный день»). По мнению известного исследователя творчества Махамбета К. Жумалиева, «некоторые стихотворения Махамбета носят характер философского размышления – толгау. Построенные по принципу психологического параллелизма, они содержат наблюдения поэта над жизнью, которые даются в плане сопоставлений-символов» [4]. Тема толгау «Мұнар күн» – оплакивание гибели Исатая Тайманова – друга Махамбета, руководителя восстания. Эту потерю Махамбет

воспринимает не как личное горе, а горе всего народа. Главная мысль толгау: погиб герой, обладавший высокими человеческими качествами, с которыми были связаны мечты народа о свободной жизни, и не скоро появится другой герой, способный повести за собой людей на борьбу за счастливое будущее. Поэтому день смерти Исатая воспринимается Махамбетом как день глобальной катастрофы.

В этом произведении Махамбет использовал 4 реалии, связанные с лексемой «верблюд» – «буыршын», «бура», «атан», «нар».

В казахском языке для обозначения верблюда имеется более 20 лексем. В стихотворениях Махамбета использовано более 10 реалий, связанных с лексемой «верблюд», являющихся названиями разных пород и возраста этого животного: түйе, тайлақ, буыршын, бура, атан, жампоз, нар, аруана, мая, үлек, қоспақ и др. Известный переводчик Герольд Бельгер в своей работе «Лики слова» подчеркивает: «где русские вполне обходятся тремя словами «верблюд», «верблюдица», «верблюжонок», у казахов есть и нар (одногогорбый), и бура (двугорбый самец-производитель), и үлек (породистый верблюд) и қоспақ (метис одногобого самца и двугорбой самки), и желмая (верблюд-скакун), и жалбай (с горбами в разные стороны), и аруана (одногорбая), и інген (дойная), и атан (холощенный), и қайыма (первородящая), и буыршын (молодой верблюд-самец), и бота (верблюжонок), и тайлақ (годовалый) и т.д.». Бельгер как знаток казахского быта приводит 13 названий, связанных с лексемой «верблюд» и это не полный перечень [2, с. 70]. Таким образом, в казахском языке имеет место дифференциация лексического значения слова «верблюд».

С помощью простых, понятных каждому казаху образов, Махамбет рисует картину дня смерти Исатая, который перевернул все в мире: скользит по льду и падает буыршын – молодой, сильный верблюд с крепкими ногами, который может пройти там, где не может пройти другое домашнее животное; бура принимает атана за самку – это тоже невероятное явление; лашын (сокол) нападает на лебедя – то, чего не может быть в природе и т.д. Цепь таких уму непостижимых явлений подчеркивает особый трагизм этого дня

(объем научной статьи не позволяет привести примеры всей цепи явлений).

В рамках современной антропоцентрической парадигмы актуален сравнительно-сопоставительный анализ текстов, в том числе текстов оригинала и перевода, позволяющий выявить особенности мировосприятия носителей каждого языка и культуры.

Начальные строки произведения Махамбета, в которых использованы сразу три реалии, вызывают различные толкования:

***Буыршын** мұзға тайған күн,
Бура атанға шөккен күн.*

День, когда буыршын поскользнулся на льду,
День, когда бура покрыл атана (*подстрочный перевод*)

Для анализа взяты строки из переводов, выполненных в разное время 9 поэтами-переводчиками. Можно отметить переводы А. Никольской, А. Устинова, О. Жанайдарова, К. Жанабаева, в которых сохранены реалии:

*Пасмурен, пасмурен черный, полный печали день
День, когда солнце закрыла тучи нависшей тень;
День, когда по льду скользя, падает крепкий **бууршин**;
День, когда в стаде **бура** покрывает **атана** вдруг
(А. Никольская).*

*В тот день **бууршин** поскользнулся на льду,
В тот день **атан** испытал беду (К. Жанабаев).*

Как видим, в переводе А. Никольской верно передано содержание строк казахского поэта и все три реалии, имеющие большое значение. Использование эпитета «крепкий бууршин» и слова «вдруг» применительно к буре и атану служит подсказкой к толкованию этих образов.

В интерпретации О. Жанайдарова хотя и сохранены реалии, она не производит такого же эмоционально-художественного воздействия, как оригинал:

*Буыришина подкосило,
Он упал на лед могуч...
А бура рассвирипел,
На атана налетел.*

Последние две строки нарушают стиль толгау, напоминая строки детских стихов. Остальные переводчики не придают значения этим этнокультурным реалиям, являющимися важными деталями, раздвигающими границы читательских представлений о хозяйственной жизни кочевника. У М. Фромана эти строки отсутствуют. У Вс. Рождественского, А. Атабека, А. Устинова, Т. Фроловской реалии отсутствуют или заменены нейтральным словом «верблюды», которое в сущности не дает никаких сведений о возрасте и породе. Один из примеров неудачного перевода:

*День рухнул с копыт – большегрузный верблюд,
КОГДА ВЕРБЛЮЖОНКОМ КРОВАВОЕ СОЛНЦЕ
Валялось неузнанное ... (Т. Фроловская).*

Вольный перевод Т.Фроловской полностью изменил картину мира Махамбета. Ассоциации переводчицы не совпадают с представлениями казахов о гармонии в природе, нарушенной в связи со смертью национального героя.

Приведем примеры переводов, которые не раскрывают значения национальных реалий, имеющих в контексте важный глубокий смысл:

*Верблюжонка день паденья
На зеркальный лед-ледень.
Невпопад бурой атана
Покрывавший чертов день (Б. Карашин).*

Для лексемы «верблюжонок» в казахском языке есть эквивалент – «бота» (маленький верблюжонок), «тайлак» (годовалый верблюжонок), а словосочетания «лед-ледень», «чертов день» неуместны для стиля толгау – размышления.

*Тот день, когда на льду скользит верблюд,
Скотине вдоволь корма не несут* (Вс. Рождественский).

Перевод Вс. Рождественского свидетельствует о незнании казахской культуры и быта. По мнению поэта, верблюд скользит на льду от слабости и недоедания.

*Бура буру за самку принял.
На льду свалился буыршын* (А. Устинов).

*Верблюд упал на скользком льду,
Самец кастратом стал на дню* (А. Атабек).

В этих переводах изменено содержания текста, что является недопустимым: у Устинова бура вместо атана, у Атабека – самец и кастрат вместо буры и атана. Такая интерпретация не делает чести переводчикам. Слова «свалился» вместо упал или поскользнулся и «стал на дню» (просторечие) стилистически не соответствуют жанру толгау.

В следующих строках Махамбета появляется образ «кара нар», который относится к анималистической символической системе. В русской системе символов нет такого знака, как «нар», являющегося отличительной особенностью быта и традиций казахского народа. Лексема «нар» занимает особое место среди реалий – это символ выносливости, мощи и огромной силы. «Нар» в прямом значении – одногорбый крупный верблюд, в переносном – мужественный, храбрый, благородный человек» [5, с. 58]. Лексема «нар» в сочетании с «кара» (черный) имеет коннотативное значение «физическая сила», как и «кара күш» («черная сила»). Она используется в образной речи для характеристики особых качеств мужчины («нардай» – т.е. сильный как нар).

*Қатарланған қара нар
Арқанын қиып алған күн.*

*Черные нары, стоящие в ряд,
Оборвали аркан в этот день (подстрочный перевод)*

Образ «черного нара» воспроизведен в интерпретации А. Никольской, К. Жанабаева, А. Атабека, О. Жанайдарова, А. Устинова. В переводе О. Жанайдарова изменено содержание:

*В руки грязных подлецов
Черный нар попал в тот день.*

Образ «қара нар» переведен у А. Никольской «бурый нар», что соответствует буквальному значению (фактически черного нара не бывает, так казахи называют одногорбого верблюда темной окраски – темно-коричневого цвета).

В переводах Вс. Рождественского все казахские названия верблюдов сведены к одному общему – «верблюды».

Т. Фроловская проигнорировала образ черного нара:

*У всех караванов расселись арканы,
И бросились **вьючные звери** в туманы.*

«Как автор не может заставить своего героя говорить неприемлемым для него языком, так и переводчик не вправе вкладывать в его уста заведомо чуждые для него слова, способные лишь разрушать образ», – считает Г. Бельгер [2, с. 50].

Одной из особенностей толгау является использование аллитерации и ассонанса. В приведенном отрывке Махамбета сочетания «қа» (3 раза), «ар» (4 раза), «ға» (2 раза), звук «а» (11 раз), «н» (7 раз) не только придают особую выразительность речи, но говорят о силе, мощи черных наров. Переводчики помимо содержания должны воспроизвести и звукомелодику поэтического текста.

Содержание и звукопись этих строк сумел передать К. Жанабаев. В его переводе сочетания «ар», «ре», «ра», «ры» придают выразительность звучанию:

*В тот день непослушный **черный нар**
Взревел, **разрывая, ремни и узду.***

В переводе М. Фромана также сохранена звуковая инструментовка Махамбета:

*День, когда **арканы срезав,**
Воры наров белых похищают.*

Наряду с достоинствами (использование сочетаний «ар», «ор», «ре») этот вариант имеет и недостатки: изменение текста, замена традиционного образа «черный нар» на белого является нарушением не только авторского видения мира, но и национально-культурного фона.

А. Устинов попытался передать звуковые созвучия таким образом:

*У **каравана черных наров**
В пути **веревка порвалась.***

Переводчику удалось найти адекватную замену сочетанию «жатарланған қара нар» – нары в один ряд, друг за другом, т.е. «караван черных наров» – с сохранением звукомелодики. Но наряду с достоинствами имеются и недостатки. Во второй строке слово «веревка» вместо «аркан» снижает качество восприятия образа нара: мощный нар способен оборвать не просто веревку, а прочный аркан, которым он привязан.

А. Атабек воссоздал образ нара и дополнительного элемента «аркан»:

*И в степь ушел могучий **нар,**
Порвав **стокрученный аркан.***

Переводчик преувеличивает силу нара, указывая на «стокрученный аркан», но такое преувеличение вполне уместно в жанре толгау.

Стремление передать звуковые повторы, несомненно, является большой удачей переводчиков и обязывает других внимательнейшим образом изучать творчество казахского поэта.

В своем толгау Махамбет Утемисов поэтически изобразил надвигающуюся опасность, предчувствие неудач и бедствия с помощью приближающихся грозных явлений природы, благодаря выразительной силе психологического параллелизма показав тяжелое душевное состояние лирического героя, потрясенного гибелью Исатая Тайманова.

Отсутствие в переводе реалий, несущих смысловую нагрузку, имеющих важное культурное значение, отрицательно сказывается на форме и содержании произведения. В некоторых переводах исчезло ощущение трагизма этого дня, изменился характер толгау, дух и стиль Махамбета. Все это приводит к стиранию национального колорита и обезличиванию произведения.

В переводе сталкиваются разные уровни мышления, различные традиции и культуры, разные эпохи. «Ценности одной национальной общности, отсутствующие у другой, вовсе или существенно отличающиеся от них, составляют национальный социокультурный фонд, который так или иначе находит свое отражение в языке. Изучение социокультурного фонда и лексики, отражающей его, представляется необходимым в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры» [1, с. 35-45].

Анализ языковых единиц, обладающих национально-культурной значимостью в художественном тексте, позволяет определить степень совпадения языковой картины мира, представленной автором и воспроизводимой переводчиком. Сопоставительный анализ толгау Махамбета Утемисова «Мұнар күн» и переводов его на русский язык показывает, что не все переводчики адекватно воссоздают реалии, имеющие культурное

значение. При переводе реалий на русский язык в приведенных выше примерах чаще всего используется транслитерация: «*В тот день бууришин поскользнулся на льду*» (К.Жанабаев); «*День, когда в стаде бура покрывает атана вдруг*» (А. Никольская); «*У каравана черных нар*» (А.Устинов); «*И в степь ушел могучий нар*» (А.Атабек).

Незнание особенностей культуры, использование разговорной, просторечной лексики, изменение образной структуры, экспрессивной напряженности, привнесение в текст чуждых ему образных элементов, сказывается на качественном уровне перевода, нивелируя глубокий смысл, высокий дух и национальное своеобразие поэзии Махамбета Утемисова.

Библиографический список

1. Амалбекова М.Б. Перевод казахских лексем на английский язык (на материале повести С. Санбаева «Белая аруана») / М.Б. Амалбекова // Вестник Российского университета дружбы народов: Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: - 2014.- №3.- С. 35-45.
2. Бельгер. Лики слова. Литературно-критические исследования, статьи, эссе о проблемах художественного перевода. – Алматы: Білім, 1996. – 272 с.
3. Гумилев Л.Н. География этноса и исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 278 с.
4. Джумалиев Х. Очерки по истории казахской дореволюционной литературы. – Алма-Ата: Мектеп, 1968. – 237 с.
5. Казахско-русский словарь / Р.Г. Сыздыковой, К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-пресс, 2001. – 567 с.
6. Сагандыков Н.Ж., Кульжанова Н.Х. Специфика перевода казахской литературы в жанровом аспекте. – Алматы, 2005. – 182 с.

ЮБИЛЕИ

Чавдарова Дечка
доктор филологических наук,
профессор
Шуменский университет им.
Еп. Константина Преславского
Шумен, Болгария
d.tchavdarova@gmail.com

Chavdarova Dechka
Professor, Dr. Sc.
Konstantin Preslavski
University of Shumen
Bulgaria, Shumen
d.tchavdarova@gmail.com

Д. Чавдарова
**ПРОФЕССОРУ ЕЖИ ФАРЫНО ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ.
НА МНОГАЯ ЛЕТА!**

Профессор Ежи Фарыно/ JerzyFaryno (18.02.1941) – выдающийся польский литературовед-русист с мировой известностью. Окончил отделение русской филологии Варшавского университета в 1964-ом году, преподавал в этом Университете до 1974-ого года, после чего был уволен и до 1996-ого года преподавал в Сельскохозяйственно-педагогическом институте (в настоящее время Природно-гуманитарный университет) в г. Седльце (Siedlce) в стах километрах от Варшавы. С 70-ых годов XX века профессор Фарыно был много раз приглашенным лектором в Норвегии, Швеции, Финляндии, ФРГ, Голландии, Хорватии, Венгрии, Италии, Австрии, а в 90-ые годы также в Эстонии, Болгарии, России. Professor emeritus (заслуженный профессор в отставке) Польской академии наук.

Общение с научным творчеством Е. Фарыно сопровождается интеллектуальным переживанием. Важным знаком воздействия его трудов на других литературоведов – цитирование этих трудов (хотя Профессор с иронией замечал, что цитирование не всегда означает понимание). Высок индекс цитирования «Введения в литературоведение» [2], монографий о мифологии и теологии Цветаевой [3], о поэтике Пастернака [4 и 5], о дешифровке авангарда [6], статей об археопэтике романа «Доктор Живаго» [7,

8, 9, 10, 11, 12] (жаль, что они не собраны в книгу!), статьи «Клейкие листочки, уха, чай, варенье и спирты» [13] и др. Вдохновляющим воздействием на исследователей русской культуры сыграли статьи Е. Фарыно в издании ПАН «*Studia Litteraria Polono-Slavica*» под редакцией самого Профессора и его ученика Р. Бобрыка: комментарии к темам чистоты/нечистоты [14], имиджа соседа [15], концептуализации средств связи [16], статьи в словарях «Русская ментальность» [17] и «Идеи в России» [18]. Труд «Введение в литературоведение» может служить настольной книгой для литературоведа-русиста в его работе, связанной с проблемами системы персонажей, имен персонажей, костюма, телесности. Всего не перечислить! Не случайно этот труд был издан в России и стал открытием для русских литературоведов русистов [1]. Роль Е. Фарыно в России особо интересна: сначала он последователь и ученик Тартуской семиотической школы, а потом – после 90-ых годов наставник молодых российских литературоведов из Петербурга, Смоленска, Екатеринбурга, Барнаула. Можно сказать, что в некоторых научных центрах России сложилась школа Е. Фарыно. Если можно поделиться своей собственной научной практикой, скажу, что через исследование Е. Фарыно о М. Цветаевой [3] я прочитала творчество болгарской поэтессы Елисаветы Багряны, а через его интерпретацию Чеховской «Чайки» [19] – римейк Ю. Кувалдина «Ворона». Отдаю себе отчет в том, что иногда я воспринимала идеи других литературоведов через слово Е. Фарыно – то есть, он сыграл для меня и роль посредника.

Ценность научного творчества Е. Фарыно открывается нам с точки зрения актуальных научных идей и теорий. Читая труды о новой, интермедиальной и междисциплинарной компаративистике, я думаю о вкладе семиотической школы в исследование пограничных сфер между литературой и кино, литературой и музыкой, литературой и математикой, литературой и живописью и т. д.! Новое в подходе к этим проблемам яснее раскроется именно в сопоставлении с уже достигнутым!

Результаты изучения интермедиальности в научном творчестве Е. Фарыно представлены в его статье «Семиотические аспекты поэзии о живописи» [20], которая может служить

теоретической основой для тех, кто обращается к этой проблеме, в наблюдениях из «Введения в литературоведение» над стихотворениями В. Шимборской «Женщины Рубенса» («Kobiety Rubensa») и «Обездвиженность» («Zniuruchomienie»), стихотворением Т. Кубяка «Мальчики Мурильо, поедающие фрукты» («Murilla chłopcy jedzący owoce»), стихотворением З. Херберта «Меблированная комната» («Pokój umeblowany»). В этом направлении успешно движется ученик профессора Фарыно Р. Бобрык.

Исследованиям Е. Фарыно не чужда и интердисциплинарность, присущая, как было сказано, семиотической школе. В его работах обнаруживается сильный интерес к кино, скульптуре, живописи. Нужно отметить, что одним из авторов перевода книги Ю. Лотмана «Семиотика кино» на польский язык был именно Е. Фарыно [28]. В труде «Введение в литературоведение» определенные механизмы художественной структуры часто иллюстрируются наблюдениями как над литературой, так и над кинематографом, живописью, театром. Специфика эстетической функции раскрыта на основе примеров из рассказа В. Белова «Привычное дело» (восприятие картины Рубенса крестьянскими женщинами) и поэтики Ready-made М. Дюшана (помещение предмета в особое пространство, придающее ему эстетическую функцию). С выставляемыми Дюшаном «готовыми изделиями» сопоставляется поведение В. Маяковского в трагедии «Владимир. Маяковский». Построение «информативных» рядов из однородных элементов иллюстрировано «Болеро» Равеля и стихотворением Ст. Дружда «Забывание» (St. Dróždź, «Zapomnianie»). Анализ обмена имен в художественном произведении опирается на примеры как из литературы (романов Достоевского), так и из фильма Р. Росселлини «Генерал Делла Ровере». Наблюдения над семантикой костюма основаны на материале литературы, кино и театра; функция наготы рассматривается с привлечением произведений литературы, кино, фотографии, при чем литературовед проникает глубоко в специфику языка каждого искусства. Примеры интердисциплинарности можно умножить.

Исследования Е. Фарыно созвучны с современными идеями гуманитаристики также интересом к проблемам интеркультурной коммуникации, образов Другого, этнических стереотипов, концептов национальной культуры (именно эти проблемы считаются литературоведами приоритетом новой компаративистики). Упомяну снова статьи из словарей «Русская ментальность» [17] и «Идеи в России» [18], статьи «Как проявить имидж соседа?» [15] и «Можно ли приобрести лицензию, не расставаясь с душой или снять оппозицию Восток – Запад» [21] и др. Мне кажется, что интерес ученого к упомянутым проблемам имеет не только научную мотивировку. Е. Фарыно литературовед с обостренным гражданским чувством; он чувствителен к каждому проявлению ксенофобии и авторитарности, но нужно подчеркнуть, что он всегда отделяет науку от политики и идеологии. Это можно понять, поскольку структурно-семиотическая школа была для нас литературоведов из Восточной Европы убежищем от идеологии, в то время как в западной гуманитаристике идеология воспринимается как что-то новое и перспективное. В связи с этим упомяну статью Е. Фарыно о памятниках Пушкину [22], в которой исследователь анализирует с присущим ему семиотическим чутьем тотемизацию и сакрализацию памятников, роль институтов в их воздвижении, концептуализацию поэта скульптором и публикой. Читатель извлекает из этих наблюдений впечатление о политическом «использовании» поэта, но в самом тексте это не выражено прямо (иначе автор впал бы в публицистику). Замечу, что в выборе объекта исследования литературоведу чужда и мотивировка получения очков или грантов – он руководствуется исключительно научными критериями.

Интердисциплинарность исследований профессора Е. Фарыно проявляется ярче всего в последнее время, когда он обратился преимущественно к инсталляциям, скульптурам, вообще к оформлению городского пространства. Ученый написал ряд провокативных статей: упомянутую выше статью о памятниках Пушкину, статьи «Луковицы и огурцы» [23], «Подсолнечник – семечки» [24], «Смотря на каком языке смотреть» [25], «Медвежьи национальные иконы» [26], «Тюльпаны и розы» [27]. Нужно

отметить, что бóльшая часть этих статей увидела свет на гостеприимных страницах журнала Алтайского государственного педагогического университета «Культура и текст». Е. Фарыно показывает роль медиа в современной культуре, учитывает тенденции массовой культуры (что также считается приоритетным объектом новой компаративистики), обращаясь к комментариям интернет-пользователей. Он анализирует достоверность информации в Интернете, ракурсы авторов фотографий, «прочтение» скульптур в зависимости от культурного горизонта реципиентов и их языка и т.д. Можно было бы подумать, что литературовед ушел в сторону от литературы, но примеры из нее всегда попадают в его кругозор: например, семиотический анализ такого атрибута памятников поэту как перо включает и отсылки к поэзии В. Шимборской и З. Херберта.

Е. Фарыно остается верным филологу в себе. По этому поводу вспоминается парафраз максимы *Homo sum, humani nihil a me alienum puto* болгарским теоретиком литературы Н. Георгиевым: «Я филолог – и ничто филологическое мне не чуждо». В каждой строчке Е. Фарыно проглядывает чутье ученого к этимологии слова, к тому, что лингвисты называют прессупозициями. Семантический анализ текста доводится литературоведом до предельной глубины (приходит в голову теория идеальной интерпретации, несмотря на ее дискуссионность). Приведу один пример: в упомянутом исследовании символики тюльпана в разных культурах и в разных искусствах [26] профессор Фарыно анализирует и стихотворение Ф. Гримберг «Тюльпановое войско», подводя читателя постепенно к ответу на вопрос «как связана символика тюльпана с болгарской темой?». В научном дискурсе литературоведа очень симптоматична формулировка «Но это еще не все». Когда читателю кажется, что анализ дошел до своих границ, литературовед предупреждает «но это еще не все» и ведет читателя дальше в смысл текста. Значение языка при восприятии невербальных искусств (как бы независящих от языковой компетенции) Е. Фарыно доказывает пронизательным филологическим анализом действия механизма омонимии: возможность понимания сатирической карты с изображением Турции как индюка носителем английского языка, знакомого с

омонимами Turkey и turkey, восприятие носителем болгарского языка языковой метафоры «пита слънчоглед» (шапка подсолнечника) и последующей концептуализации хлеба как шапки подсолнуха, прочтение носителями сербского языка омонимии слов «лале» (тюльпан) и «лала» (вежливое обращение к верховному Везиру, а также хозяин, глава семьи у банатских сербов) и Лала (персонаж сербских анекдотов). Сильное впечатление производят этимологические наблюдения Е. Фарыно, в которых проявляется страсть археолога: с точки зрения носителя болгарского языка приведу открытие значения 'журавль' в слове «здравец» («гераниум») сопоставлением с хорватским «ždral».

Профессор Фарыно оказывает воздействие на научное сообщество не только своими книгами. На других литературоведов имеет сильное, вдохновляющее воздействие также его устное слово, которое всегда заставляет задуматься, усомниться в непогрешимости своих идей. Ежи Фарыно не склонен к куртуазным похвалам, он скорее подвергает критике чужой текст, но эта критика исключительно плодотворна! На меня производило сильное впечатление то с каким вниманием проф. Фарыно выслушивает на конференциях все доклады (несмотря на то, кто читает – известный ученый или студент) и какие вопросы задает. Никогда он не выражает прямо своего мнения, не навязывает авторитарно свое прочтение («Это так, а не иначе»): своими вопросами он скорее заставляет задуматься «А так ли это?», «А не подойти ли иначе?», «Чего здесь не хватает?». Слово проф. Фарыно собирает коллег и вне залов заседаний, когда в узком кругу, за стаканом вина, продолжаются беседы и споры. Взыскательность и критичность проф. Фарыно (в качестве как редактора, так и дружеского советчика), были для меня самой школой, какой мне не хватало в моем университетском образовании (хотя я не могу писать в соответствии с образцом его научного дискурса). Профессор Фарыно не является кабинетным ученым, потому что играет роль культурного посредника: распространяет тексты, знакомит людей. Благодаря ему я попала в интересный и полезный для меня круг ученых из России, Польши, Венгрии, Хорватии, Эстонии, Сербии, Германии, Финляндии. Праздником для меня

были конференции, организованные профессором Фарыно совместно с Р. Бобриком в Институте славистики: о чистоте/нечистоте, болезни, средствах коммуникации, образе соседа. Редко можно найти ученого, настолько расположенного к другим людям, к чужим идеям! О его диалогичности и отзывчивости говорит и то, что его квартира в Варшаве превратилась в клуб и даже (как бы это ни звучало патетично) место поклонничества для многих коллег. Приехать в Варшаву и попасть в дом Е. Фарыно значило быть приглашенным на духовный пир!

Биографию Е. Фарыно можно представить и как географию научных путешествий, которая охватывает такие города как Петербург, Москва, Будапешт, Загреб, Турку, Тарту, Смоленск, Екатеринбург, а в Болгарии София, Пловдив, Велико Тырново, Шумен. Нужно подчеркнуть, что для профессора Фарыно в культуре нет провинции – в его восприятии одинаково важны научные форумы как в центре, так и на периферии. Я часто вспоминаю его остроумную формулировку географии европейской русистики: «От Турку до Турции». Страсть Е. Фарыно к путешествиям коренится не только в чисто научном интересе, но в значительной степени в интересе к чужим культурам. Его взгляд семиотика часто заставляет нас посмотреть со стороны на особенности нашей собственной культуры, ранее не замеченные нами.

В заключение скажу, что желаю профессору Фарыно новых открытий, а нам – возможности прикоснуться и в дальнейшем к его проникновенному Слову и к его неординарной мысли!

Библиографический список

1. Фарыно Ежи. Введение в литературоведение. – Санкт-Петербург: издательство им. А. И. Герцена, 2004, с. 639
2. Faryno Jerzy. Введение в литературоведение. Wstęp do literaturoznawstwa. Katowice: Uniwersytet Śląski. Część I – 1978, – 338 s. Część II – 1980, – 230 s., Część III -1980– 286 Faryno Jerzy. Введение в литературоведение. Wstęp do literaturoznawstwa. Wydanie drugie poszerzone i zmienione. Warszawa: PWN, 1991.– 646 s.

3. Faryno, Jerzy. Мифологизм и теологизм Цветаевой („Магдалина“, „Царь Девица“, „Переулочки“. // WienerSlawistischerAlmanach. Sonderband 18. Wien, 1985.– 412 с.
4. Faryno Jerzy. Поэтика Пастернака, „Wiener Slawistischer Almanach“, Sonderband 22. Wien, 1989. – 316 с.
5. FarynoJerzy. Белая Медведица – Ольха – Мотовилиха и – Хромой из господ. Археопэтика „Детства Люверс“ Бориса Пастернака. Stockholm: Institutionenförlaviskaochbaltiskaspråk. Stockholms univeritet, 1993.– 84 с.
6. Faryno Jerzy. Dešifriranje ili Nacrt eksplikativnepoetike avangarde. S ruskoga preveoRadomir Venturin. Hrvatsko Filološko Društvo: Biblioteka Knževna Smotra.Zagreb, 1993. – 180 с.; Jerzy Faryno. Дешифровка, “Russian Literature, XXVI-I. North-Holland, Amsterdam, 1989, pp. 1-67; Jerzy Faryno. Дешифровка II, “Russian Literature”, XXXII-I, . North-Holland.–1992. –pp. 1-39.
7. FarynoJerzy. Княгиня Столбунова-Энрици и ее сын Евграф. (Археопэтика „Доктора Живаго“ – 1). // Поэтика Пастернака – Pasternak’sPoetics. Podred. AnnyMajmieskułow. [=ZeszytyNaukoweWSPwBydgoszczy. StudiaFilologiczne, zeszyt 31: FilologiaRosyjska, z. 12]. Bydgoszcz, 1990.
8. FarynoJerzy. Холодная телятина – Желвак – Рябина – Фосфорическое слово (Археопэтика „Доктора живаго“ – 5). // SemanticAnalysisofLiteraryTexts. To Honor Jan van der Eng on the Occasion of His 65th Birthday.Edited by Eric de Haard, Thomas Langerak, Willem G. Weststeijn. Slavic Seminar, University of Amsterdam, Amsterdam, The Netherlands. Elsevier, Amsterdam– New York – Oxford – Tokyo, 1990. –pp. 133-152.
9. Faryno Jerzy. Как Ленский обернулся Соловьем-Разбойником (Археопэтика „Доктора Живаго“ – 3). // Studia Russica Budapestinensia. 1. Budapest. –1991. – С. 149-168.
10. FarynoJerzy. Юрятинская читальня и библиотекарша Авдотья (Археопэтика „Доктора Живаго“ – 6). // Сборник статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Tartu, 1992. –С. 385-411.
11. FarynoJerzy. Живопись Кологривовской панорамы и Мучного городка (Археопэтика „Доктора Живаго“- 4). // Zeszyty naukowe WSP w Bydgoszczy. Studia filologiczne, z. 35: Filologia Rosyjska, z. 14. Pod red. Haliny Bartwickiej. Bydgoszcz: WSP, 1992. – С. 5-49.
12. FarynoJerzy. О разночтениях и исчезновениях в „Докторе Живаго“. Куда девался и что остается в силе?). // PasternakStudien. I.

- Beiträge zum Internationalen Pasrenak-Kongreß 1991 in Marburg. Herausgegeben von Sergej Dorzweiler und Hans- Bernd Harder. Verlag Otto Sagner. München 1993. – С. 41-57.
13. Faryno Jerzy. Клейкие листочки, уха, чай, варенье и спирты (Пушкин – Достоевский – Пастернак), в: *Studia Russica Budapestinensia*, II/III: Материалы III и IV Пушкинологического Коллоквиума в Будапеште 1991, 1993. Redigunt: Kovács Árpád, Nagy István. Budapest 1995. – С. 175-208.
 14. Faryno Jerzy. Несколько общих соображений по поводу концептов „грязный“/“чистый“. // *Studia Litteraria Polono-Slavica* 4. Utopiaczystości i góry śmieci. – Утопия чистоты и горы мусора. Warszawa: IS PAN, SOW, 1999. – С. 59-62.
 15. Faryno Jerzy. Как проявить имидж соседа. // *Wizerunek sąsiadów. Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Zbiór studiów*. Redakcja: Roman Bobryk i Jerzy Faryno. Warszawa: IS PAN, SOW, 2000. – С. 383-390.
 16. Faryno Jerzy. Связь и транспорт в быту, в культуре/языке и в искусстве/литературе. // *Studia Litteraria Polono-Slavica* 3: Dekadaposzukiwań. Literatura rosyjska lat dwudziestych XX wieku. Warszawa: IS PAN, SOW, 1999. – С. 199-208.
 17. entalność rosyjska. Słownik. Opracował i zredagował Andrzej Lazari. Wersja angielskojęzyczna: *The Russian Mentality. Lexikon*. Edited by Andrzej Lazari. Śląsk, Katowice, 1995.
 18. Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski pod redakcją Andrzeja de Lazari. Warszawa: Wydawnictwo naukowe “Semper”. Т. 1-2, 1999, т. 3, 2000, т. 4, 2001.
 19. Faryno Jerzy. Семиотика Чеховской „Чайки“, „Русский текст“ 2. Lawrence – St-Peterburg – Durham, 1994. – С. 95-114.
 20. Faryno Jerzy. Семиотические аспекты поэзии о живописи. // *Russian Literature*, VII-1, January 1979. North-Holland Publishing Company, Amsterdam 1979. – С. 65-94; Jerzy Faryno. Semiotyczne aspekty poezji o sztuce. Na przykładzie wierszy Wisławy Szymborskiej. // *Pamiętnik Literacki*”. – 1975. – z. 4. – С. 12-145.
 21. Faryno Jerzy. Можно ли приобрести лицензию, не расставаясь с душой или снять оппозицию Восток – Запад. // *IX Musica Antiqua Europae Orientalis*, vol. 2. Acta Slavica. Bydgoszcz, 1991. – С. 263-275.
 22. Faryno Jerzy. Памятники Пушкину с птичьего полета. // *Культура и текст*. – 2014. – №2 (7). – С. 5-92. Электронный ресурс: <https://journal-altspu.ru/wp->

- <content/uploads/2014/11/%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE20142.pdf> (дата доступа – 20.02.2021).
23. FarynoJerzy. Луковицы и огурцы. // Культура и текст. – 2017. – № 4 (31). – С. 7-72. Электронный ресурс: https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2017/12/Faryno_4_2017.pdf (дата доступа – 20.02.2021).
24. FarynoJerzy. Подсолнечник – семечки. // Культура и текст. – 2018. – № 2 (33). – С. 7-36. Электронный ресурс: www.ct.uni-altai.ru (дата доступа – 20.02.2021); Фарино, Ежи. Сльнчоглед – сльнчогледови семки. // Любословие. – 2018. – № 18. С. 9-25. Превод от руски – Д. Чавдарова.
25. FarynoJerzy. Смотри на каком языке смотреть. // Культура и текст. – 2016. – № 2 (25) Электронный ресурс: https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/07/Faryno2_2016.pdf (дата доступа – 20.02.2021)
26. Faryno Jerzy. Niedźwiedzie ikony narodowe. // Prace Filologiczne. – 2009. – Tom LVII, seria Literaturoznawcza. Temat numeru: Podróż do Włoch. Wydział Polonistyki UW, Warszawa. – С. 67-92; Jerzy Faryno. Niedźwiedzieikonynarodowe (Rosja – Litwa – Ukraina – Białoruś) / Медвежьянациональныеиконы (Россия – Беларусь – Украина – Литва) (Свободныйпересказ). // «Образмира, всловеявленный...». Сборникквещь 70-летияПрофессораЕжиФарыно. Redakcja: Roman Bobryk, Justyna Urban, Roman Mnich. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Instytut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej, Siedlce 2011. – С. 637-668. [польский текст на с. 637-658; русский текст на с. 659-666]; JerzyFaryno. Мечите национални икони. Българската мечка.Превод от полски: Дечка Чавдарова и Рачо Чавдаров. // Via signorum, t. 1. Юбилеен сборник, посветен на 60-годишнината на проф. д.ф.н. Добрин Добрев. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2014. – С. 89-126. [сокращенный вариант, без иллюстраций]
27. FarynoJerzy.Tulipanyiróże / Тюльпаны и розы. // Ракла с културни кодове. Короб културных кодов. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Съставител и отговорен редактор проф. д.н.ф. Денка Кръстева. Шумен: Издателство «Фабер», 2016. – С. 33 – 100 (польский текст – с. 33 – 56; русский – с. 57 – 70; иллюстрации с комментариями – с. 71 – 100).
28. Łotman J. M. Semiotyka filmu. Z języka rosyjskiego tłumaczyli: Jerzy Faryno, Tadeusz Miczka. Warszawa: Wydawnictwo “Wiedza powszechna”, seria “Omega”, nr 379, 1983. – 208 s.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bgrusisty@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывавшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва

e-mail: borisov@rambler.ru

Borisov Ivan Viktorovich

Professor, Dr. Sc.

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)
**THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL
LANGUAGE**
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски – постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стилъ. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным

требованиям, не рассматриваются.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com